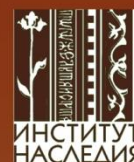

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия
имени Д.С.Лихачева

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Теоретическая культурология
Историческая культурология
Прикладная культурология
Гуманитарные исследования
Рецензии и экспертизы
Научная жизнь

2024/3

JOURNAL
OF CULTURAL RESEARCH

ISSN 2222-2480

Адрес номера на сайте журнала: http://cr-journal.ru/rus/journals/&j_id=61

Сетевое научное рецензируемое издание. Основано в 2010 г.
Выходит 4 раза в год только в электронном виде.

Сайт журнала:

<http://cr-journal.ru>

Учредитель / Издатель:

2010-2014 - Российский институт культурологии
с 2014 - Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С.Лихачёва
(Институт Наследия)

Государственная регистрация:

Эл. № ФС 77-59205 от 3 сентября 2014 г.

Входит в перечень научных журналов ВАК (19.12.2023 г.)

Редакционная коллегия:

Окороков Александр Васильевич, главный редактор – д.и.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Агошков Андрей Валерьевич – к.филос.н., журнал «Вопросы культурологии»
Бахревский Евгений Владиславович – к.филос.н., атташе Посольства РФ в Турецкой Республике (Анкара)
Беликов Владимир Иванович – д.филос.н., МГУ им. М.В.Ломоносова
Бондарь Виталий Вячеславович – к.и.н., ЮФ Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва (Краснодар)
Горбунова Татьяна Александровна – к.и.н., ОмГУ им. Ф.М.Достоевского (Омск)
Горлова Ирина Ивановна – д. филос.н., ЮФ Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва (Краснодар)
Гринько Иван Александрович – д.и.н., Мос. гор. пед. ун-т
Дерябина Елена Дмитриевна – к. культурол., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Житенёв Владислав Сергеевич – д.и.н., МГУ им. М.В.Ломоносова
Ильина Ирина Евгеньевна – д.э.н., Рос. НИИ экономики, политики и права в научно-технической сфере
Ипполитов Сергей Сергеевич – д.и.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Казаква Ольга Владимировна – к. искусствовед., НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства РААСН
Козлов Владимир Фотиевич – к.и.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Кокшенёва Капитолина Антоновна – д.филос.н., к. искусств., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Корниенко Наталья Васильевна – д.филос.н., ИМЛИ им. М.Горького РАН
Корусенко Михаил Андреевич – к.и.н., ИАЭ СО РАН (Омск)
Костина Анна Владимировна – д.филос.н., д. культурол., Мос. гум. ун-т
Ларионцев Михаил Михайлович – к. культурол., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Лубков Алексей Владимирович – д.и.н., МГПУ
Макарова Анастасия Сергеевна – к. культурол., ГосНИИР
Маркова Оксана Николаевна – к. культурол., ЮФ Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва (Краснодар)
Медникова Мария Борисовна – д.и.н., ИА РАН
Назарова Наталья Вадимовна – к.и.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Никлаус Анна Александровна – к.полит.н., Акад. МНЭПУ (Москва)
Ницевич Виктор Францевич – д.полит.н., Мос. гор. пед. ун-т
Пархоменко Татьяна Александровна – д.и.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Писарева Светлана Алексеевна – к. культурол., ГосНИИР
Поляков Тарас Пантелеймонович – к.и.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Путрик Юрий Степанович – д.и.н., к.геогр.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Пушкарёва Наталья Львовна – д.и.н., ИЭА РАН
Репина Лорина Петровна – д.и.н., РГГУ
Рыбак Кирилл Евгеньевич – д. культурол., асс.н.с. Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Спивак Дмитрий Леонидович – д.филос.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Филиппов Юрий Владимирович – д.пед.н., НГИИМЗ (Ниж. Новгород)
Флиер Андрей Яковлевич – д.филос.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Цветкова Галина Александровна – к. культурол., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Черняховская Юлия Сергеевна – д.полит.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Черняховский Сергей Феликсович – д.полит.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Шмидт Ирина Викторовна – к.и.н., ОмГУ им. Ф.М.Достоевского (Омск)
Юренева Тамара Юрьевна – д.и.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Юрьева Татьяна Владимировна – д. культурол., ЯрГПУ им. К.Д.Ушинского (Ярославль)

Адрес редакции:

Россия 129366, Москва, ул. Космонавтов, д. 2
Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С.Лихачёва,
Редакционно-издательский отдел
Электронная почта: journals@heritage-institute.ru

© Институт Наследия, 2024

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
При полном или частичном использовании материалов ссылка на cr-journal.ru обязательна.

Содержание

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА

Шашкин П.А.

Культурный суверенитет: содержание правовой дефиниции и правоприменение в стратегическом планировании в сфере общенациональной культурной политики

4

Марзоева А.В.

Совершенствование культурной политики России в условиях глобализации. Часть 2

10

ИСТОРИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Бицадзе Н.В.

Народная икона: византийское наследие в традиционной культуре (к постановке вопроса)

18

Краснова И.В.

О происхождении «икон чистого украинского типа киевской иконописи» на Слобожанщине

21

ПРИКЛАДНАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Марков А.В., Штайн О.А.

Нулевая степень игрушки: отечественные традиции осмысления

29

Пархоменко Т.А.

Мемориальное пространство русского зарубежья как феномен отечественной и мировой культуры

35

Яндиев Б.М.

Организационно-атрибутивный фактор воинского воспитания в русской армии первой половины XIX в.

41

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ

Зотова Т. А., Окорочков А.В.

Специальная военная операция в российских музеях: обзор экспозиционно-выставочных проектов (2022-2023 гг.)

53

**КУЛЬТУРНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ: СОДЕРЖАНИЕ ПРАВОВОЙ ДЕФИНИЦИИ
И ПРАВОПРИМЕНЕНИЕ В СТРАТЕГИЧЕСКОМ ПЛАНИРОВАНИИ
В СФЕРЕ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ**

DOI 10.34685/ИИ.2024.39.37.029

Шашкин Павел Александрович

кандидат философских наук,
старший научный сотрудник отдела культурологии
Российского научно-исследовательского института культурного
и природного наследия имени Д.С.Лихачёва (Москва)
Email: paulshahskin@list.ru

Аннотация. В статье представлено авторское видение правоприменения дефиниции «культурный суверенитет» в целях противодействия социокультурным угрозам национальной безопасности России и характеристика некоторых его свойств. Обеспечение культурного суверенитета рассматривается в качестве ключевой составляющей согласованных действий в сфере стратегического планирования органов публичной власти и институтов гражданского общества по охране суверенитета государства, достижения стратегических целей управления, защиты основ конституционного строя России, аксиологического фундамента государственности и исторически сложившейся конституционной идентичности. Свойства культурного суверенитета раскрываются, по мнению автора, в измеримых с точки зрения стратегического управления результатах государственной политики, требующих реализации комплекса управленческих мер и мероприятий. Свойство культурного суверенитета «защищенность народа и государства от деструктивного идеологического и информационного воздействия» должно выражаться в измеримых результатах скоординированных действий всех структур государства по пресечению деструктивного воздействия на культуру при активном участии в этом процессе гражданского общества. Свойство культурного суверенитета «сохранение исторической памяти и самобытности народа» требует выражения в измеримых с точки зрения стратегического управления результатах государственной политики, в числе которых – снижение количества и активности транснациональных, локальных «сообществ идентичности» в стране, не комплементарных с общероссийской гражданской и культурной идентичностью. Свойство культурного суверенитета «проведение общегосударственной политики в соответствии с традиционными российскими ценностями» должно найти свое выражение в конкретных результатах укрепления действующих исторически сложившихся институтов публичной власти с точки зрения их модернизации для достижения стратегических целей обеспечения национальной безопасности и развития на основе конституционного принципа солидарности, формирующей гражданское единство и самосознание. Качество культурного суверенитета России определяется, таким образом, поддержанием духовных сил государства и народа, основных публичных институтов на уровне, необходимом для формирования суверенной политической воли и достижения целей стратегического управления.

Ключевые слова: культурный суверенитет, национальная безопасность, стратегическое планирование, традиционные российские духовно-нравственные ценности, государственное управление, деструктивная идеология, социокультурные угрозы, культурная политика, общероссийская гражданская идентичность.

Тематика культурного суверенитета в последнее время становится предметом внимательного изучения отечественными исследователями. В то же время правоприменение данного термина в стратегическом планировании, в частности – в государственной политике по сохранению и укреплению традиционных российских ценностей, до настоящего времени не стало объектом исследования.

Важная новелла обновленной редакции Основ государственной культурной политики [1] (далее – ОГКП) 2023 года – появление правовой дефиниции культурного суверенитета. Культурный суверенитет

рассматривается как совокупность социально-культурных факторов, благодаря которым обеспечивается защита государства и граждан от деструктивного воздействия в сфере культуры, сохранение исторической памяти и самобытности народа, проведение общегосударственной политики в соответствии с традиционными российскими ценностями (ОГКП, разд. III). Таким образом в документе презюмируется, что культурный суверенитет обладает определенным набором особых свойств, определяющих формы и методы реализации государственной политики.

Появление данного термина в ОГКП стало логичным развитием положений Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [2] (далее – СНБ) и Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [3] (далее – ОГПЦ), в которых группа угроз национальной безопасности, связанных с разрушением культурного суверенитета, обозначена в числе наиболее актуальных. Согласно названным выше документам стратегического планирования, культурный суверенитет подвергается деструктивному воздействию вследствие целенаправленных подрывных действиях по разрушению преемственности в развитии Российского государства, дискредитации (открытой и латентной) его базовых государственных и общественных институтов, государствообразующего народа и иных исторически проживающих в России этносов, в том числе посредством «вестернизации» культуры, искажения исторической правды и уничтожения исторической памяти, реализации ошибочных управленческих решений в области культурной, образовательной, научной, национальной и информационной политики без учета фундаментальной роли традиционных российских ценностей для сохранения гражданского единства народа России и его самобытности, единого культурного пространства страны, государственного суверенитета в целом (пп. 86-90 СНБ). Означенные действия имеют характерные черты, свойственные распространению деструктивной идеологии (пп. 14, 18 ОГПЦ), и требуют реагирования публичной власти и гражданского общества.

Очевидным образом нейтрализация комплекса угроз утраты культурного суверенитета становится приоритетом государственной культурной политики и политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей как составляющей политики обеспечения национальной безопасности (разд. IV ОГКП, пп. 7 п. 93 СНБ, п. 9 ОГПЦ), что требует дальнейшего раскрытия как собственно понятия культурного суверенитета применительно к управленческой практике, так и его отдельных свойств.

Главная роль государства как защитника традиционных ценностей и национальной культуры имеет те же правовые основы, что и роль государства в охране иных форм государственного суверенитета. Качеством суверенитета народ – единственный носитель суверенитета и источник власти (ч. 1 ст. 3 Конституции РФ) [4] наделяет демократическое государство как выразителя национальных интересов, но не отдельных граждан либо сообщества. В связи с этим уместно констатировать, что культурный суверенитет как составляющая государственного суверенитета обладает теми же общими свойствами, что и государственный суверенитет, включая верховенство, самостоятельность и независимость государственной власти. Таким образом исключительно государство как выразитель национальных интересов призвано решать широкий круг управленческих задач в сфере защиты национальной системы ценностей – основы культуры и национальной самобытности от деструктивного воздействия внешних и внутренних акторов, обеспечивать преемственность трансляции традиционных ценностей от поколения к поколению и охрану культуры как уникального наследия народа (ч. 4 ст. 68 Конституции РФ). Данные управленческие функции выражаются среди прочего в праве ограничивать либо пресекать любую деструктивную деятельность вступающих в конфликт с идентичностью государства-нации транснациональных «сообществ идентичности», создающую угрозы национальной безопасности, в особенности деятельность, ведущую к утрате исторически сложившихся национальных и культурных идентичностей граждан (пп. «м» п. 24 ОГПЦ). Последнее рассматривается Российским государством как ключевая социокультурная угроза национальным интересам (пп. 84 -85 СНБ).

Одним из главных субъектов деструктивной деятельности, конкурирующих с государством в процессах формирования ценностных ориентаций его граждан, выступают альтернативные государству транснациональные сообщества, последовательно стремящиеся к ограничению, а затем снижению и подрыву государственного суверенитета, в том числе культурного, путем умножения нелояльных национальному государству идентичностей, а также разрушения национального государства с обширной сферой влияния. Очевидным образом делигитимация публичных институтов как проявление угрозы утраты культурного суверенитета непосредственно коррелирует с проявлениями иных социокультурных угроз, выражающихся в саморазрушении общества, искажении правосознания,

традиционных исторически сложившихся идентичностей и моральных устоев граждан, фрагментации единого культурного пространства страны.

При этом подрыв культурного суверенитета как наиболее опасная и чреватая социальной напряженностью форма деструктивной деятельности имеет ряд отличительных особенностей, выявление которых имеет определяющее значение для корректной оценки действий любых лиц в целях нейтрализации социокультурных угроз национальной безопасности. Описывая проявления деструктивной идеологии, СНБ и ОГПЦ непосредственно указывают на такие ее характеристики, как целенаправленный, спланированный и организованный характер деятельности по ограничению, ослаблению и подрыву государственного суверенитета, в том числе культурного, представляющей угрозу национальным интересам России, единственным выразителем которых является государство (п. 87 СНБ, пп. 13, 16 ОГПЦ), а также первоочередную направленность таких действий на дискредитацию и подрыв доверия к исторически сложившимся общественным и государственным институтам, на разрушение политической, экономической и социальной солидарности (п. 17 ОГПЦ).

В этом аспекте защита традиционных ценностей, культуры и исторической памяти как отдельный стратегический национальный приоритет (п. 93 СНБ) непосредственно сопряжена с функцией уполномоченных народом органов публичной власти в широком взаимодействии с гражданским обществом осуществлять охрану культурного суверенитета в пределах своих полномочий для поддержания гражданского мира, укрепления гражданской идентичности и солидарности. Важно подчеркнуть, что данные функции не могут передаваться органами публичной власти никаким иным лицам, включая институты гражданского общества, что не исключает участие последних в выработке и проведении государственной политики строго в соответствии с уставными целями и при координирующей роли государства (п. 9 ОГПЦ). Первостепенное значение в этом процессе отводится политическим партиям, целевое назначение которых, в отличие от иных общественных, а также религиозных объединений, заключается в профессиональном формировании политической воли народа и выражении национальных интересов путем участия в работе институтов представительной демократии всех уровней, на что особо указал Конституционный Суд РФ [5].

К полномочиям Президента Российской Федерации, осуществляющего общее руководство стратегическим планированием и силами обеспечения национальной безопасности, относится принятие мер по охране суверенитета государства (ч. 2 ст. 80 Конституции РФ). Таким образом механизм обеспечения культурного суверенитета России закреплен конституционно и применяется в сфере охраны культуры и защиты традиционных ценностей в первую очередь силами обеспечения национальной безопасности, а также в пределах своих полномочий иными органами публичной власти (п. 10 ОГПЦ). Например, Правительство России и подведомственные ему органы и организации также участвуют в обеспечении культурного суверенитета в пределах своих полномочий (пп. «в», «д» ч. 1 ст. 114 Конституции РФ, п. 6 ст. 21, п. 1 ст. 24 Федерального конституционного закона «О Правительстве Российской Федерации» [6]).

В связи с разнообразием субъектов, уполномоченных обеспечивать культурный суверенитет, его особые свойства нуждаются в дальнейшем раскрытии и требуют обеспечения конкретными взаимосвязанными и согласованными управленческими мерами под общим руководством главы государства (п. 103 СНБ). Такие меры должны быть приоритетно направлены на достижение стратегических целей – укрепление российской государственности, сохранение исторически сложившегося культурного и гражданского единства российской нации, залогом чего выступает сохранение национальной и культурной идентичности граждан России, воспитание правосознания народа и гражданского самосознания в целом.

В связи с этим государство как выразитель национальных интересов, формирующихся в национальном самосознании на основе традиционных ценностей, априорно обязано принимать меры по пресечению любых действий, направленных на их разрушение (пп. 1, 2 п. 93 СНБ, пп. «а», «б», «м» п. 24 ОГПЦ). В рамках общенациональной культурной политики это предполагает, например, решение таких специальных задач как защита общества от деструктивного информационно-психологического воздействия, анализ деятельности, наносящей ущерб национальным интересам в сфере культуры, разработка мер противодействия такой деятельности (разд. VI, VII ОГКП).

Другим важным направлением реализации управленческих мер является масштабная гармонизация и актуализация нормативных правовых актов в сфере общенациональной государственной культурной политики [7], приведение их в соответствие с документами стратегического планирования в области национальной безопасности, совершенствование системы государственного управления в части разработки новых механизмов межведомственной и межуровневой координации и взаимодействия.

В управленческой деятельности такое свойство культурного суверенитета как «защищенность народа и государства от деструктивного идеологического и информационного воздействия» должно выражаться в измеримых результатах скоординированных действий всех структур государства по пресечению деструктивного воздействия на культуру при активном участии в этом процессе гражданского общества. Защита традиционных ценностей – суммы конституционных ценностей как общегосударственная задача непосредственно связана с достижением стратегических целей управления, что предполагает общие действия государственных и общественных структур по укреплению российской государственности как главного фактора защиты прав и свобод граждан и особой конституционной ценности (Определение Конституционного Суда РФ от 30 мая 2023 года № 1399-О) [8].

Свойство культурного суверенитета «сохранение исторической памяти и самобытности народа» требует выражения в измеримых с точки зрения стратегического управления результатах государственной политики: укрепление единства народа России как историко-культурной общности, основанной на преемственности культурного и государственного развития, пресечение попыток фальсификации истории и «нациестроительства», сокращение числа формирующихся новых псевдоидентичностей, включая новые гражданские идентичности, не комплементарных с общероссийской гражданской и культурной идентичностью, снижение количества и активности транснациональных «сообществ идентичности» в стране (пп. 1, 2 п. 93 СНБ, п. 2 разд. II, разд. IV ОГКП, пп. «а», «б» п. 24 ОГПЦ).

Свойство культурного суверенитета «проведение общегосударственной политики в соответствии с традиционными российскими ценностями», в свою очередь, должно найти свое выражение в конкретных результатах укрепления действующих исторически сложившихся институтов публичной власти с точки зрения их модернизации для достижения стратегических целей обеспечения национальной безопасности и развития, к которым относится нейтрализация угроз национальным интересам и поддержание баланса государственных и общественных интересов и интересов личности, развитие в управленческой практике конституционного принципа солидарности, формирующей гражданское единство и самосознание [9]. В целях эффективного пресечения распространения деструктивной идеологии, разрушающей гражданское единство и самобытность народа, реформы в сферах культуры, науки, образования, в информационной среде должны сопровождаться научным обоснованием целесообразности их проведения и расстановкой ясных и реалистичных приоритетов в достижении стратегических целей управления, о которых было сказано выше, при участии в процессе обсуждения всех ключевых органов публичной власти и ответственных структур гражданского общества (п. 18 ОГПЦ).

Качество культурного суверенитета России определяется, таким образом, поддержанием духовных сил государства и народа, основных публичных институтов на уровне, необходимом для формирования суверенной политической воли и достижения целей стратегического управления. Управленческая деятельность по обеспечению культурного суверенитета и защите системы традиционных ценностей как основы национальной культуры и российской самобытности служит тем самым достижению конституционных целей государственного строительства, в числе которых – сохранение государственного и гражданского единства, самобытности народа, развитие здорового нравственного правосознания и укрепление начал солидарности в обществе. «При этом верховенство права является той единственной почвой, на которой возможно подлинное утверждение социальной, экономической и политической солидарности» [10], что дает основание рассматривать обеспечение культурного суверенитета как форму защиты основ конституционного строя России и аксиологического фундамента конституционной идентичности.

ПРИМЕЧАНИЯ

- [1] Указ Президента РФ от 24 декабря 2014 г. № 808 «Об утверждении Основ государственной культурной политики» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 29 декабря 2014. — № 52 (Ч. I). — Ст. 7753; Собрание законодательства Российской Федерации. — 30 января 2023. — № 5. — Ст. 777.
- [2] Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 5 июля 2021. — № 27 (Ч. II). — Ст. 5351.
- [3] Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. — 14 ноября 2022. — № 46. — Ст. 7977.
- [4] Конституция Российской Федерации (с учетом поправок, внесенных от 30 декабря 2008 г., 5 февраля 2014 г., 21 июля 2014 г., 14 марта 2020 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования июля 2020 г.) // Российская газета. — 1993. — № 237. — 25 декабря; Собрание законодательства Российской Федерации. — 5 января 2009. — № 1. — Ст. 1–2; Собрание законодательства Российской Федерации. — 10 февраля 2014. — № 6. — Ст. 548; Собрание законодательства Российской Федерации. — 28 июля 2014. — № 30 (Ч. I). — Ст. 4202; Собрание законодательства Российской Федерации. — 16 марта 2020. № 11. Ст. 1416.
- [5] Информация Конституционного Суда Российской Федерации «Актуальные конституционно-правовые аспекты обеспечения экономической, политической и социальной солидарности: к 30-летию Конституции Российской Федерации (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2020-2023 годов)» (подготовлена Секретариатом Конституционного Суда Российской Федерации) (одобрена решением Конституционного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2023 г.) // Конституционный Суд РФ : официальный сайт. — URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Documents/Report%202023.pdf> (дата обращения 21.11.2023).
- [6] Федеральный конституционный закон от 6 ноября 2020 г. № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации». // Собрание законодательства Российской Федерации. — 9 ноября 2020. — № 45. — Ст. 7061.
- [7] *Аристархов, В. В.* Защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей в системе нормативно-правовых актов, относящихся к государственной культурно-образовательной политике. Аналитический доклад // Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С.Лихачёва : [сайт]. — URL: https://heritage-institute.ru/wp-content/uploads/2023/03/vladimir-aristarkhov_zashhita-tradiczionnyh-rossijskih-duhovno-nravstvennyh-czennostej-v-sisteme-normativno-pravovyh-aktov-otnosyashihhsya-k-kulturno-obrazovatelnoj-politike.pdf (дата обращения: 12.12.2023).
- [8] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 30 мая 2023 г. № 1399-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Лагодича Константина Сергеевича на нарушение его конституционных прав частью 2 статьи 20.33 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Конституционный Суд РФ : официальный сайт. — URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision688925.pdf> (дата обращения: 12.12.2023).
- [9] Информация Конституционного Суда Российской Федерации «Актуальные конституционно-правовые аспекты...»
- [10] Там же.

CULTURAL SOVEREIGNTY: THE CONTENT OF THE LEGAL DEFINITION AND LAW ENFORCEMENT IN STRATEGIC PLANNING IN THE FIELD OF NATIONAL CULTURAL POLICY

Shashkin Pavel Alexandrovich
PhD in Philosophy, Senior Researcher,
Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage (Moscow)

Abstract. *The article presents the author's vision of the enforcement of the definition of "cultural sovereignty" in order to counter sociocultural threats to Russia's national security and characterizes some of its properties. Ensuring cultural sovereignty is considered as a key component of coordinated actions in the field of strategic planning of public authorities and civil society institutions to protect the sovereignty of the state, achieve strategic management goals, protect the foundations of the constitutional system of Russia, the axiological foundation of statehood and historically established constitutional identity. The properties of cultural sovereignty are revealed, according to the author, in the results of public policy that are measurable from the point of view of strategic management, requiring the implementation of a set of management measures and activities. The property of cultural sovereignty "protection of the people and the state from destructive ideological and information influences" should be expressed in measurable results of coordinated actions of all*

state structures to suppress the destructive influence on culture with the active participation of civil society in this process. The property of cultural sovereignty “preservation of the historical memory and identity of the people” requires expression in measurable results of public policy from the point of view of strategic management, including a decrease in the number and activity of transnational “identity communities” in the country that are not complementary to the all-Russian civil and cultural identity . The property of cultural sovereignty “carrying out national policy in accordance with traditional Russian values” should find its expression in the concrete results of strengthening the existing historical institutions of public power in terms of their modernization in order to achieve the strategic goals of ensuring national security and development based on the constitutional principle of solidarity that forms civil society. unity and self-awareness. The quality of Russia’s cultural sovereignty is thus determined by maintaining the spiritual forces of the state and people, the main public institutions at the level necessary to form sovereign political will and achieve the goals of strategic management.

Key words: *cultural sovereignty, national security, strategic planning, traditional Russian spiritual and moral values, public administration, destructive ideology, sociocultural threats, cultural policy, all-Russian civic identity.*

© Шашкин П.А., текст, 2024
Статья поступила в редакцию 10.06.2024.
Публикуется в авторской редакции.

Ссылка на статью:

Шашкин, П. А. Культурный суверенитет: содержание правовой дефиниции и правоприменение в стратегическом планировании в сфере общенациональной культурной политики – DOI 10.34685/ИИ.2024.39.37.029. – Текст: электронный // Культурологический журнал. – 2024. – № 3. – С. 4-9. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/660.html&j_id=61.

**СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ
В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ.
Часть 2**

DOI 10.34685/HI.2024.48.45.027

Марзоева Анжелика Владиславовна
аспирант Российского Государственного
Социального Университета (Москва)
Email: sk-rost@mail.ru

Аннотация. Глобализация – это современный исторический процесс, оказывающий значительное влияние на культуру и идентичность независимых государств. В силу этого возникает необходимость выработки и реализации такой государственной культурной политики, которая гарантирует России сохранение её национальной идентичности и уникальности. Именно культура страны играют ключевую роль в международных отношениях, влияя напрямую или косвенно на мировую политику. В условиях глобализации государственная культурная политика России должна стать задающим вектором стратегического планирования долгосрочных целей влияния на процессы мирового развития. Целеполагание, исходящее из интересов российской цивилизации, обеспечит сохранение и укрепление суверенитета страны. Сложившееся понимание культуры трактует её как вторичный фактор социального развития. Необходимо поднять статус культурной политики до компонента политической сферы, превратив её в инструмент внешней политики, влияющий на улучшение имиджа страны в международном пространстве, а также на усиление влияния в мире в целях обеспечения собственной безопасности.

В данной статье рассматриваются научные подходы к изучению процессов глобализации, с опорой на исследования по проблемам культурной политики для определения дальнейших ориентиров по совершенствованию государственной культурной политики России. Анализируются основные проблемы, стоящие перед государством и обществом, предлагаются пути их решения. Указывается на актуальность рассмотрения культурной политики в контексте политического процесса как управленческого воздействия России на основные сферы социокультурного пространства как внутри страны, так и в мировом масштабе.*

Ключевые слова: культурная политика, глобализация, национальная идентичность, столкновение цивилизаций, государственная политика.

По сути, современные процессы глобализации в историко-философском смысле являются продолжением уже сформировавшихся ранее путей развития цивилизаций. Поскольку глобализация рассматривается нами как конструкт единого стратегического планирования в рамках единой системы управления по глобальной трансформации всего мира, встаёт вопрос о феномене власти. На протяжении истории феномен власти представлял особый интерес как философов, так и специалистов конкретных наук, однако, как правило, исследователи оставались в рамках изучения её государственной формы. Французский философ историк и теоретик культуры М. Фуко предложил принципиально новый взгляд на понимание и способы функционирования власти, расширив анализ властных отношений, что нашло выражение в его концепции «знания-власти». В частности, он делает вывод о том, что власть в социальном пространстве присутствует везде, образуя особое поле. И здесь мы разделяем положение Фуко в том, что «дело не в том, что власть реализуется через сложившиеся социальные институты, а в том, что она, напротив, их формирует» [1]. Таким образом, власть «представляет собой не приобретённую или сохранённую привилегию господствующего класса, а является следствием совокупности её стратегических позиций» [2]. Французский философ, социолог и культуролог Ж. Бодрийяр отметил, что «дискурс Фуко – это зеркало тех стратегий власти, которые он описывает [3]. По сути, он раскрывает власть через понимание того, как может проявлять себя власть. Таким образом, философ связывает её со знанием, конструирующим субъект отношений и, тем самым, структурирующим его поведение.

Автор видит очевидным, что на творчество М. Фуко значительное влияние оказали воззрения

немецкого философа Г. Гегеля. Так, в первой крупной работе Гегеля «Феноменология духа» главным представлена форма знания, в которой существует содержание («субъект»). Согласно Гегелю, необходимо выйти за пределы кантовского ограничения эмпирического познания. Он связал субъект познания с окружающей его материей, а материю – с субъектом познания. Это приводит к пересмотру прежних представлений как о субъекте познания, так и о сущности, распознаваемой этим объектом. Таким образом, новое понимание и прогресс становятся возможны благодаря тщательному рассмотрению форм познания. Метод, разработанный Гегелем в «Феноменологии духа», оказал значительное влияние на развитие европейской и мировой философии. Так называемый «спекулятивный метод» Гегеля предлагает исследователю приходить к чистому знанию последовательно, начиная с непосредственных установок сознания. В разделе «С чего следует начинать науку?» в «Науке логики» Гегель пишет: «В феноменологии духа непосредственное сознание есть первое и непосредственное также и в науке и, стало быть, служит предпосылкой; в логике же предпосылкой служит то, что оказалось результатом указанного исследования, – идея как чистое знание» [4].

В концепции политической власти М. Фуко описывается трёхуровневая система управления, к которой прибегает политическая власть [5]. Эти уровни возникали в разные исторические периоды, развиваясь в большой комплекс властных стратегий. Если в период становления национальных государств она была суверенной, то в период расцвета Нового времени дисциплинарная власть получила особое развитие. Для современного западного государственного управления характерна биовласть «как разновидность “мягкой власти”, действующей опосредованно: например, через искусственное конструирование и навязывание новых потребностей, продвижение новых видов товаров и услуг» [6].

По мнению Фуко, истоки суверенитета уходят корнями в Средневековье с возрождением в Европе римского права и формированием идеи монархии. Во-первых, она основана на теории суверенитета, второй точкой опоры для этой власти является право, формированием которого занимался философско-правовой дискурс. Этот тип власти сохраняется за счёт власти суверена через контроль над человеческими ресурсами, используя правовую государственную систему и законодательство. При этом М. Фуко отмечает, что неважно, о каком суверенитете идет речь: к примеру, и теория общественного договора Гоббса, и теория «народного суверенитета» Ж.-Ж. Руссо [7] в равной мере удовлетворяли власть. Таким образом, создание понятия «суверенитет» оказалось ловушкой, поскольку любой способ функционирования власти раскрывается в отношении между сувереном и субъектом как лицом зависимым. Полная независимость государства в его внутренних делах и в ведении внешней политики в рамках суверенитета не отменяет аналогичной «независимости» сверхгосударства, к которому, по словам русского философа А. Зиновьева, эволюционирует глобализация [8].

Однако особое внимание мы останавливаем на том, что, согласно Фуко, каждый тип власти имеет в основании теоретический фундамент, влияющий на дальнейшее развитие. В этом контексте мы предлагаем начать анализ двух концепций американских политологов, в русле которых в XXI в. протекает дискуссия о глобализации, а именно – «конец истории», предложенный Ф. Фукуямой и «столкновение цивилизаций», предложенное С. Хантингтоном.

В 1992 г. Фукуяма опубликовал фундаментальный труд «Конец истории и последний человек» [9], в котором указывается на геополитические изменения, вызванные распадом СССР, вследствие которых западные либеральные ценности стали распространяться по всему миру, претендуя на планетарное доминирование. Автор концепции считает, что история представляет собой эволюционный процесс и в этом смысле «конец истории» означает, что либеральная демократия – это окончательная форма правления. По мнению Фукуямы, начиная со времён Французской революции, эта форма правления неоднократно доказывала, что является лучшей системой с точки зрения этики, политики и экономики [10] и по этой причине не может быть перехода ни к какой альтернативной системе. В частности, он пишет: «Конец истории» никогда не был связан с конкретной американской моделью социальной или политической организации. Вслед за российско-французским философом Александром Кожевым, который вдохновил меня на мой первоначальный аргумент, я считаю, что Европейский Союз более точно отражает то, как будет выглядеть мир в конце истории, чем современные Соединенные Штаты Америки. Попытка Евросоюза превзойти суверенитет и традиционную политику власти путём установления транснационального верховенства права гораздо больше соответствует “постисторическому” миру, чем продолжающаяся вера американцев в Бога, национальный суверенитет и их армию» [11].

По мнению Ж. Дерида, одного из самых влиятельных философов второй половины XX в., неомарксистское прочтение «Феноменологии духа» Кожева, имело большое влияние на интеллектуалов в предвоенные и послевоенные годы. Именно Кожев в XX в. развивал идеи «конца истории» и «борьбы за признание» восходящие к гегелевской «Феноменологии духа», сделав их наиболее востребованными в новейшей философии [12]. Фукуяма прямо указывает на то, что продолжает идеи Гегеля, которые также получили развитие в работах К. Маркса и А. Кожева.

Одним из постоянных его собеседников и ближайших друзей был немецко-американский политический философ Л. Штраус. Профессор Ш. Дрери в книге «Лео Штраус и американские правые» [13], обвиняя его в попытке превратить политику в священный крестовый поход, указывает на то, что Штраус является вдохновителем американской политики элитарным течением, неоконсерватизмом, а также империалистическим милитаризмом. К примеру, один из его учеников П. Вульфовиц участвовал в разработке «Руководство по оборонному планированию», чтобы «задать направление нации на следующее столетие», где впервые зашла речь о принципах американской гегемонии в однополярном мире. Кроме прочих, Вульфовиц включил Фукуяму в круг своих протезе.

Таким образом, автор исследования обращает внимание на связь философских воззрений с политическими стратегиями и практиками. Мы предлагаем проанализировать такой вид взаимосвязи на примере Европейского союза. Кожев утверждал, что философы должны принимать прямое участие в формировании реальной политики. Он был одним из самых влиятельных советников 20-го президента Франции В. Жискара д'Эстена, а также входил в число разработчиков Генерального соглашения по тарифам и торговле [14], стоял у истоков создания Европейского союза. К одной из главных его идей относится форма организации послевоенной Европы путём снижения торговых барьеров. Так, в 1986 г. ряд европейских государств, включая ФРГ, Францию, Италию, Бельгию, Нидерланды и Люксембург, создали общий рынок. Кожев также инициировал заключение Римского договора [15], в котором был сформулирован принцип «всё более тесного союза, учредивший Европейское экономическое сообщество» [16].

Создание Европейского союза рассматривается автором исследования как проекция процессов глобализации на европейское пространство, поскольку многоуровневая интеграция, в ходе проектного управления, изменила роль национального государства в Европе. Технология по размыванию суверенитета государств, вошедших в состав Евросоюза, осуществлялась «сверху», что повлекло за собой аналогичную тенденцию со стороны административных регионов внутри национальных государств. Таким образом, мы предлагаем рассматривать экономическое и политическое объединение 27 европейских государств как часть единой стратегии по глобальной трансформации мира, в рамках которой процессы глобализации были направлены на вытеснение «государствоцентричной» модели из системы международных отношений на Евразийском континенте. Будем считать это репетицией.

Идею объединения стран континентальной Европы выдвигали такие видные государственные деятели, монархи и общественные деятели, как Наполеон I, Вильгельм II, Л. Троцкий, У. Черчилль, Ф. Хайнекен, В. Жискара д'Эстен и др. Как показано в книге «Россия и Европа», написанной русским философом Данилевским, понятие «Европа», подразумевающее Западную и Германскую Европу, в XIX противопоставлялось Российской империи. Ещё до Октябрьской революции Л. Троцкий предлагал создание пролетариатом «Федеративной Республики Европы – Соединённых Штатов Европы» [17]. В 1926 г. немецкий политик Г. Штресман и французский политический деятель А. Бриан заключили Локарнские соглашения, разделившие границы Европы на два типа (западные и восточные), за что были награждены Нобелевской премией мира. В 1929 г. А. Бриан предложил создать Федерацию европейских наций на Ассамблее Лиги Наций. В 1930 г. там же Бриан представил меморандум об организации европейской федеративной системы. Известный политический деятель У. Черчилль считал источником угрозы континентальную Европу, но при этом поддержал идею создания наднациональной организации, однако без участия Великобритании [18]. В 1931 г. французским политиком Э. Эррио и британским государственным деятелем А. Солтером были опубликованы книги под названием «Соединённые Штаты Европы». В 1940 г. во время побед нацистской Германии во Второй мировой войне Вильгельм II заявил, что «рука Бога создает новый мир и творит чудеса... Мы становимся Соединёнными Штатами Европы под руководством Германии, единым европейским континентом» [19]. В 1943 г. фашисты в Италии предложили создать «Европейское сообщество», свободное от британского «заговора». В 1945 г. И. фон Риббентроп предложил концепцию Европейской Конфедерации, однако она была отвергнута А. Гитлером [20].

Отношения Гитлера с Английской короной является отдельной темой исследования, однако поступательный процесс «расколдовывания» признаков проектного управления, которое мы наблюдаем в XXI в., приводит мир к пониманию истоков всех бед на Евразийском континенте. В 1946 г. Черчилль вернулся к термину «Соединенные Штаты Европы» [21] с новой концепцией Объединённой Европы, которую он видел как содружество Великобритании, США и Советской России, в контексте «европейских друзей и спонсоров», в отличие от Соединенных Штатов Европы, под руководством Франции и Германии [22]. В 1947 г. О. Мосли, английский аристократ, член правительства Великобритании и основатель Британского союза фашистов, представил идею «Европы как нации» в книге «Альтернатива», утверждая, что традиционное видение национализма, с точки зрения довоенного фашизма, требует новой парадигмы, в которой Европа объединилась бы как одна нация. Наряду с этим он поддерживал сохранение британской колониальной империи [23]. Особого внимания заслуживают родственные связи Мосли, создавшего Британский союз фашистов в 1932 г. Так, в 1920 г. он связал жизнь с дочерью лорда Керзона, ранее занимавшего пост вице-короля Индии. На церемонии бракосочетания присутствовали король Великобритании Георг V с королевой Марией, также бельгийский король Альберт I и королева Елизавета и другие. В 1936 г. Мосли женился вновь, на английской аристократке Д. Гиннес. На свадьбе, которая проходила в доме Геббельса, присутствовал А. Гитлер [24].

Идеи о европейском единстве усилились после Второй мировой войны. Особое внимание мы обращаем на последовательность действий по методу сетевого планирования, а именно – на тот факт, что реализация объединения Европы последовала после образования военно-политического блока НАТО, объединившего в 1949 г. большинство европейских стран, включая Турцию, с США и Канадой. Кроме того, важно, на наш взгляд, уделить особое внимание слиянию англо-саксонской и романо-германской правовых семей. Этот факт требует отдельного исследования и, на наш взгляд, является ключевой темой для понимания механизмов управления на континентальном уровне. На этом этапе автор отмечает, что в XXI в., несмотря на активное участие в НАТО, отношение Великобритании к политике «Единой Европы» очевидно сдержанно. Так, войдя в ЕС, Великобритания не считала возможным принятие его конституции и единой валюты евро. Кроме того, в 2020 г. Великобритания покинула Европейский союз, и здесь мы настаиваем на том, что этот шаг имеет стратегическую глубину в контексте проектной деятельности единой системы управления по глобальной трансформации всего мира, в рамках которой мы рассматриваем процессы глобализации.

Отделение английского общего права от правовых систем западного мира происходило в период с XIII по XVII вв., окончательно оформившись в результате Английской революции. Но об этом речь пойдёт в следующем исследовании. В контексте прогноза С. Хантингтона, с центральной идеей о «столкновении цивилизаций», Запад представлен как единое целое, что, на наш взгляд, является сознательным упрощением. Кроме того, важно отметить, что дискуссия о принадлежности России к той или иной правовой семье остаётся открытой, что является ключевой темой в становлении России как отдельной цивилизации, о чём в 2020 г. заявил В.В. Путин [25].

Вернёмся к проекту объединения Европы, который мы рассматриваем в рамках проектного управления по вытеснению государство-центричной модели международных отношений на Евразийском континенте. Так, в 1951 г. было создано Европейское сообщество угля и стали, в основание которого положен принцип наднациональной интеграции. Эта организация ознаменовала первый шаг проекта по объединению Европы.

Следует отметить, что в научном мире дискуссия в отношении понятий «наднациональный» и «транснациональный» считается открытой. К примеру, канадский исследователь Р. Тарас рассматривает транснационализм как первую ступень наднационализма [26].

В послевоенный период с созданием таких организаций, как Совет Европы, НАТО и Западноевропейский союз, росла потребность в европейской идентичности. Так, акцент начал смещаться с экономических интересов на политическую и социально-культурную сферы. Проект объединения Европы требовал создания общего социокультурного пространства, а соответственно, и культурной политики, направленной на достижение общеевропейских целей. Подход к культуре как к инструменту интеграции людей не только на политическом и экономическом, но и на сознательном уровне, раскрывает масштаб мировоззрения, а также высокий уровень интеллектуального развития субъектов, осуществляющих проекты, определяющие вектор процессов глобализации. Таким образом, культурная политика была направлена на то, чтобы граждане разных государств, входящих в ЕС,

начали осознавать себя представителями единого целого, живущего на территории, объединённой общими культурными ценностями. В 1954 г. в этих целях была подписана Европейская культурная конвенция, призывающая к сотрудничеству в культурной сфере страны, вошедшие в Совет Европы [27].

Мы обращаем особое внимание на то, что в конвенции была подчеркнута необходимость защиты и сохранения культурного наследия и традиционных ценностей народов, населяющих Европу. Эта концепция была описана в первой главе на примере концепции объединения народов в Соединённых Штатах Америки, которая продвигалась в начале XX в. американским писателем Р. Борном с целью выхода на уровень транснациональной нации. В 1983 г. страны, подписавшие Торжественную декларацию о Европейском союзе, которая была направлена на дальнейшую интеграцию, приняли документ, призывающий к усилению культурных связей в рамках сообщества. В документе озвучивалась идея о создании единого европейского культурного пространства, что является открытым проявлением проектного управления с использованием технологий культурной глобализации.

Суть культурной глобализации в планетарном масштабе заключается в формировании общечеловеческого пространства с единым для всего мира вектором развития, нормами, стереотипами, шкалой ценностных ориентиров, правил и предписаний. Ряд ученых, включая В. А. Шупера, Ф. Х. Кессиди, Н. Н. Моисеева, В. Колонтая, Т. Фридмана, А. В. Толстоухова, выражают опасения по поводу формирования монополярной цивилизации. Они утверждают, что глобализация приведёт к гибели национального самосознания, так как она не даёт развиваться личности: «... практика реализации этого Проекта превратила человечество не во Властелина мира, а в своеобразного “маргинала Вселенной”, трагически выпавшего из космической гармонии. По иронии судьбы, гигантская научно-технологическая мощь человечества оказалось не гарантом его свободы, а инструментом государственного контроля, манипулирования, <...> сделала его заложником своего же собственного активизма» [28].

Очевидно, что в центре культурной глобализации лежит концепция транснационализма, с последующими подсистемами, включая теорию «комплексной взаимозависимости», унификации и многих других, что подводит мир к потребности более сложных форм управления. Согласно концепции транснационализма, деятельность людей выходит за пределы политических границ и создаёт «транснациональное пространство», в котором государство теряет монополию, а международные отношения превращаются из «интернациональных» в «транснациональные». Благодаря этому появляется возможность управлять международным взаимодействием помимо и без участия государств.

В 1987 г. вступил в силу Единый европейский акт, нацеливающий Европейское сообщество на создание внутреннего рынка [29]. Положения документа в вопросе культуры практически без изменений были включены в Договор, учреждающий Европейское Сообщество (раздел XII, статья 151), подписанный в 1992 г. [30] Кроме того, в 1992 г. был подписан Договор о Европейском союзе, также затрагивающий вопросы культуры. Согласно третьей статье, Союз «уважает богатство своего культурного и языкового разнообразия и заботится о сохранении и развитии европейского культурного наследия» [31]. Последние два документа представляют собой правовую основу культурной политики, проводимой Европейским союзом, что положило начало реализации общеевропейских культурных программ.

Проведённый анализ проектного управления, осуществляемого в целях объединения европейских государств, позволяет нам осмыслить и определить масштаб возможностей культурной политики, играющей ключевую роль в создании единого социокультурного пространства. Автором показана связь философских воззрений с политическими стратегиями и практиками. А также связь культурной политики с проектным управлением на глобальном уровне. В основе культурной политики, осуществляемой в рамках проекта по вытеснению государственно-центричной парадигмы из системы международных отношений, лежит стратегическое планирование взаимодействия и интеграции государств и народов на уровне культуры как совокупности материальных объектов, идей, ценностей, представлений и моделей поведения во всех формах её проявления. Таким образом, культурная политика проанализирована и осмыслена нами как политический процесс по осуществлению управленческого воздействия на внешнеполитическом контуре. Это обосновывает наш тезис, заявленный в первой части исследования о том, что ключевым условием для совершенствования государственной культурной политики России является понимание культуры как политической сферы.

Как инструмент внешней политики, культурная политика должна представлять собой слияние политических сил с интеллектуальным сообществом. Основой культурной политики должно стать фундаментальное понимание ответственности за будущее страны, если целью существующего политического класса является сохранение суверенитета России.

В следующей части исследования, в ходе концептуального анализа, автор представит политические прогнозы С. Хантингтона и Ф. Фукуямы как теоретическое основание единой концепции в рамках проектной деятельности единой системы управления по трансформации мира.

* Часть 1 статьи см.: «Культурологический журнал», 2024/2.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Семяновская, Е. С.* Соотношение концептов «Знание» и «Власть» в философских исследованиях Мишеля Фуко // Преподаватель XXI век. – 2013. – № 3. – С. 259.

[2] *Фуко, М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. с фр. – Санкт-Петербург: А-сэд, 1994. – 408 с.

[3] *Бодрийяр, Ж.* Забыть Фуко / Пер. с фр. – Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2000.

[4] *Гегель, Г.В.Ф.* Наука логики : В 3 т. Т. 2. – Москва : Мысль, 1971. – 248 с.

[5] См. подробнее: *Русаков, С. С.* Трехуровневая концепция политической власти М. Фуко // Южно-российский журнал социальных наук. – 2016. – С. 114-126.

[6] *Желнин, А. И.* Биополитика и биополитическая экономия: сущность концептов // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2019. – Вып. 3. – С. 320–330. DOI: 10.17072/2078-7898/2019-3-320-330.

[7] *Руссо, Ж.-Ж.* Об общественном договоре, или Принципы политического права = *Du contrat social ou Principes du droit politique* // Об общественном договоре. Трактаты : Кн. 1. / Пер. с фр. – Москва : КАНОН-пресс; Кучково поле, 1998.

[8] *Розин, В. М.* Глобальные процессы и проблемы современности как свидетельство становления нового типа социальности // «Глобализация», «культура», «цивилизация»: Материалы пост. действ. междисциплинарного семинара клуба уч. «Глобальный мир». – Москва, 2003. – С. 75.

[9] *Fukuyama, F.* The End of History and the Last Man // Free Press, 1992. – P. 418.

[10] *Fukuyama, F.* The End of History? // The National Interest. – 1989. – No 16. – P. 3-18. – То же: <https://www.jstor.org/stable/24027184> (дата обращения: 02.08.2024).

[11] *Fukuyama, F.* The history at the end of history // Электронная библиотека БГУ : [сайт]. – URL: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/8523/1/07%20%D0%94%D0%A3%D0%94%D0%A7%D0%98%D0%9A.pdf> (дата обращения: 02.08.2024).

[13] *Drury, S.B.* Leo Strauss and the American Right. – Palgrave Macmillan; 1999. – 254 p. – URL: <https://www.amazon.com/Strauss-American-Right-Shadia-Drury/dp/0312217838> (дата обращения: 02.08.2024).

[14] Генеральное соглашение по тарифам и торговле (ГАТТ 1947). – URL: <https://www.hse.ru/data/2011/11/15/1272897051/%D0%93%D0%90%D0%A2%D0%A2-47%20%28rus%29.pdf> (дата обращения: 02.08.2024).

[15] Договор, учреждающий Европейское Сообщество (Рим, 25 марта 1957 г.) : (консолидированный текст с учетом Ниццких изменений) (с изм. от 16 апр. 2003 г.) // Право Европейского Союза : [сайт]. – URL: https://eulaw.ru/treaties/teuratom_edit/ (дата обращения: 02.08.2024).

[16] Русский сталинист, придумавший Европу // ИноСМИ.Ru : [сайт]. – URL: <https://inosmi.ru/20170323/238945748.html> (дата обращения: 02.08.2024).

[17] См.: *Reed, J.* Ten Days That Shook The World. – New York : Boni & Liveright, 1919. Ch. 3.

[18] *Ponting, C.* A revision // *Biddeleux, R, Taylor, R.* (eds.). European Integration and Disintegration: East and West. – Routledge, 1996. – P. 36–38; *Тамби, С. А.* Панъевропейское движение и Эстония. Ч. 1. Установление и укрепление связей в межвоенный период, и истоки эстонского евроскептицизма // Этносоциум и межнациональная культура. – 2023. – № 3. – С. 139-164. – То же: <https://cyberleninka.ru/article/n/paneuropeyskoe-dvizhenie-i-estoniya-chast-1-ustanovlenie-i-ukreplenie-svyazey-v-mezhvoennyu-period-i-istoki-estonskogo> (дата обращения: 02.08.2024).

- [19] *Petropoulos, J.* Royals and the Reich. – Oxford Univ. Press, 2006. – P. 170.
- [20] *Lipgens, W., Loth, W.* Documents on the History of European Integration: Continental plans for European union, 1939–1945 (including 250 documents in their original languages on 6 microfiches). – Walter de Gruyter, 1985.
- [21] Speech of Sir Winston Churchill // PACE website. Zürich, Switzerland: Parliamentary Assembly of the Council of Europe. 19 September 1946. Archived from the original on 5 October 2013. Retrieved 18 November 2013.
- [22] *Churchill, W.* Speech to the Academic Youth 19 September 1946. Zürich, Switzerland. Retrieved 27 June 2019; *Churchill, W. S.* The Hinge of Fate. – Boston : Houghton Mifflin, 1950. – P. 562.
- [23] *Mosley, O.* The Alternative. – London, 1956. – P. 182; My Life. P. 436. – Nation Europa. Marz. 1958. – P. 57, 58.
- [24] *Mosley, D.* A Life in Contrasts. – London, 1978. – P. 142.
- [25] Подробнее см.: <https://tass.ru/info/15972421> (дата обращения: 02.08.2024).
- [26] *Taras, R.* Europe Old and New: transnationalism, belonging, xenophobia. – Lanham, Rowman & Littlefield, 2009.
- [27] Европейская культурная конвенция (Париж, 19 декабря 1954 г.) // Совет Европы : официальный сайт. – URL: <http://conventions.coe.int/Treaty/RUS/Treaties/Html/018.htm> (дата обращения: 02.08.2024).
- [28] *Толстоухов, А. В.* Глобальный социальный контекст в контуре эко-будущего // Вопросы философии. – 2003. – № 8. – С. 49-63; *Корытина, М. А.* Культурная глобализация: феномен, сущность, противоречия процесса // Известия Саратовского университета. Серия: Философия. Психология. Педагогика. – 2016. – Т. 16, вып. 4. – С. 381-387. DOI: 10.18500/1819-76712016-16-4-381-387.
- [29] Единый Европейский Акт (Люксембург, 17 февраля 1986 г.) // Электронный фонд правовой и нормативно-технических документов : [сайт]. – URL: <http://docs.cntd.ru/document/901771690> (дата обращения: 02.08.2024).
- [30] Договор, учреждающий Европейское Сообщество (Рим, 25 марта 1957 г.) (консолидированный текст с учётом Ниццких изменений от 16 апреля 2003 г.) // Право Европейского Союза : [сайт]. – URL: <http://eulaw.ru/content/2001> (дата обращения: 02.08.2024).
- [31] Договор о Европейском Союзе (Маастрихт, 7 февраля 1992 г.) (в редакции Лиссабонского договора от 13 декабря 2007 г.) // Право Европейского Союза : [сайт]. – URL: <http://eulaw.ru/treaties/teu> (дата обращения: 02.08.2024).

IMPROVING THE CULTURAL POLICY OF RUSSIA UNDER GLOBALIZATION Part 2

Marzoeva Anzhelika Vladislavovna
Post-graduate student,
Russian State Social University (Moscow)

Abstract. *Globalization is a modern historical process that has a significant impact on the culture and identity of independent states. Because of this, there is a need to develop and implement a state cultural policy that guarantees Russia the preservation of its national identity and uniqueness. In the context of globalization, the state cultural policy of Russia should become the driving vector for strategic planning of long-term goals of influencing the processes of global development. Goal setting based on the interests of Russian civilization will ensure the preservation and strengthening of the country's sovereignty. The current understanding of culture treats it as a secondary factor of social development. It is necessary to raise the status of cultural policy to a component of the political sphere, turning it into a foreign policy instrument that influences the improvement of the country's image in the international space, as well as strengthening its influence in the world in order to ensure its own security.*

This article examines scientific approaches to the study of globalization processes, based on research on the problems of cultural policy to determine further guidelines for improving the state cultural policy of Russia. The main problems facing the state and society are analyzed and ways to solve them are proposed. The relevance of considering cultural policy in the context of the political process as Russia's managerial influence on the main spheres of the sociocultural space both within the country and on a global scale is pointed out.

Key words: *cultural policy, globalization, national identity, clash of civilizations, public policy.*

Ссылка на статью:

Марзоева, А. В. Совершенствование культурной политики России в условиях глобализации. Часть 2. –
DOI 10.34685/НЛ.2024.48.45.027. – Текст: электронный // Культурологический журнал. – 2024. – № 3. – С. 10-17. –
URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/661.html&j_id=61.

**НАРОДНАЯ ИКОНА: ВИЗАНТИЙСКОЕ НАСЛЕДИЕ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ
(К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)**

DOI 10.34685/ИИ.2024.19.71.024

Бицадзе Наталья Витальевнакандидат исторических наук, доцент Российской академии
живописи, ваяния и зодчества Ильи Глазунова (Москва)

Аннотация. *Статья посвящена важному и малоизученному феномену русского искусства – народной иконе. Рассмотрены особенности её стилистики и технические характеристики, а также приведены факторы, обосновывающие потребность в народной иконе.*

Ключевые слова: *народная икона, иконопись, икона-краснушка, щепная икона, скорописная икона.*

Последнее время в искусствоведческом сообществе и среди коллекционеров наблюдается интерес к народной иконе, которую справедливо называют «изобразительным фольклором». Это определение представляется особенно верным, если учесть, что композиция подобных образов часто ориентируется не на классические сюжеты, а на духовные стихи, легенды, «бывальщины», народные представления об Иисусе, Богородице, Николае Чудотворце и других святых и т.п. Подобные литературные источники по-своему интерпретируют евангельские сюжеты и жития святых, приближая их к народному пониманию добра и зла, справедливости и воздаяния за грехи, взаимоотношений между Богом, святыми и простыми людьми. Таким образом, можно сказать, что в случае с народной иконой исследователь имеет дело с процессом адаптации, переработки высокого иконописного искусства традиционной, во многом архаичной, народной культурой.

Нельзя сказать, что народная икона не привлекала внимания исследователей (см. список литературы). Ее рассматривали в контексте поздней иконописи XVIII – начала XX столетий. Особый интерес вызывала икона Русского Севера, которая отличалась тем, что соединила народную художественную традицию и своеобразно преломленные традиции профессиональной иконы. Однако глубокое и всестороннее изучение народной иконы только начинается, поэтому многие аспекты темы находятся в процессе осмысления, носят дискуссионный характер. В частности, в современном искусствоведении, применительно к народной иконе, сосуществуют такие термины, как «деревенская икона», «крестьянская икона» «примитив», «наивное искусство», «самодеятельное искусство». Также нет полной ясности в том, какие именно иконы можно отнести к категории «народных» – созданные непрофессиональными «богомазами»-самоучками или примитивные образы, написанные профессиональными иконописцами для невзыскательного потребителя? Сегодня выделяют две большие группы икон – так называемый «ремесленный примитив» и «самодеятельное» иконописное искусство.

К «ремесленному примитиву» относят иконы-краснушки, которые в большом количестве стали писать в Холуе после того, как во Мстере наладили производство бакана – багряной краски, давшей возможность создавать иконы с преобладанием красных оттенков. Красный цвет был особенно любим народной культурой, являлся синонимом слова «красивый» и занимал важное место в орнаментике, вышивке, росписях сундуков и прялок и т.п. Сама стилистика иконы-краснушки учитывала народные представления о том, какой должна быть икона. Этой иконе свойственны скорбность и строгость ликов, красновато-коричневая гамма, белые движки-оживки, контуры, обведенные черной краской.

К «ремесленному примитиву» относят также «щепные» иконы, писанные на тонкой дощечке; «полосатые», фоны которых писали в два тона – светлые краски преобладали в верхней, «небесной», части композиции, темные – в нижней части, символизировавшей земной мир; «малеванные» – эти образы создавали члены бродячих артелей, которые, помимо икон, расписывали интерьеры крестьянских жилищ и в чьем творчестве можно заметить влияние лубка, любящего обилие затейливых цветов, пышных деревьев, нарядно одетых героев. Исследователи относят к «ремесленному примитиву» и «скорописную икону». Ее характеризовало разделение труда, «поточный

характер» производства, упрощенный характер письма. Она была рассчитана на потребителя с невысокими художественными запросами.

Исследователи считают, что народная, непрофессиональная, икона всегда существовала рядом с высоким церковным искусством. Потребность в ней объясняется целым рядом факторов. Во-первых, народная икона была гораздо дешевле; во-вторых, в отдаленных регионах страны (Север, Урал, Сибирь) не всегда была возможность приобрести качественную профессиональную икону; в-третьих, именно икона, написанная местным «богомазом», в большей степени отвечала народным вкусам, чем икона, созданная в крупном иконописном центре; в-четвертых, в то время, когда было невозможно заниматься сельским хозяйством и многими видами промысла, умение написать икону приносило дополнительный заработок. Народный характер иконы выдают особенности технического характера – некачественная отделка иконной доски, ее шероховатость, иногда – отсутствие паволоки и левкаса, широкий неровный мазок, неравномерный слой лака. С точки зрения стилистики народную икону характеризуют контрастность цвета, нарушение пропорций, неустойчивость композиции, упрощенные иконографические изводы. «Самодельная икона» имеет излюбленный пантеон святых – это покровители разных отраслей хозяйства, святые – «заместители» языческих богов, основатели монастырей. Под влиянием старообрядцев в народной среде обострился интерес к проблемам Страшного Суда и иконам эсхатологического характера. У непрофессиональной иконы много общего с традиционным народным искусством (росписями прялок, домовой резьбой, народной игрушкой, вышивкой, кружевоплетением и т.п.), лубком, детским рисунком. Ее отличают наивность, бесхитрость, теплота, лиризм, искренность, экспрессия, простодушие, своеобразный реализм, декоративность, нарядность.

Все особенности народной, непрофессиональной иконы связаны с тем, что ее создавали люди, которые лишь иногда, по необходимости или в силу душевной склонности брали в руки кисть и краски. Если надо, такой мастер мог расписать прялку, шкафчик или сундук, а мог и икону написать. Именно такого художника-самоучку описал Н.В. Гоголь в «Ночи перед Рождеством». Кузнец Вакула «на досуге занимался малеванием и слыл лучшим живописцем во всем околотке». Им были расписаны «все миски, из которых диканьские козаки хлебали борщ», а в церкви можно было увидеть написанных им святых и особенно удавшегося ему образ черта в аду, «такого гадкого, что все плевали, когда проходили мимо».

Народная икона обратила на себя внимание коллекционеров. Среди наиболее активных собирателей называют имена Евгения Ройзмана, Михаила Чернова, Вячеслава Момота, Александра Ильина. В 2011 и 2012 году в селе Вятском Ярославской области, Кирилло-Белозерском монастыре и в Галерее Зураба Церетели прошли выставки народной иконы, которые привлекли внимание общественности. Небольшая, но очень интересная коллекция народной иконы представлена в экспозиции Музея народного искусства Ростова Великого. Широкий интерес к народной иконе позволяет надеяться на появление в ближайшем будущем интересных исследований на эту тему.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Культура русских поморов. Историко-культурный анализ / *Ануфриев, В. В., Базарова, Э. Л., Бицадзе, Н. В.* и др. – Москва : Форум; Неолит, 2013 – 320 с.
- [2] Культура русских поморов. Опыт системного исследования / *Базарова, Э. Л., Бицадзе, Н. В., Окорочков, А. В.* и др. – Москва : Научный мир, 2005. – 400 с.
- [3] Иконопись и народные промыслы : Материалы науч. конф. 24–25 июня 2022 г. – Москва : Сев. паломник, 2023. – 376 с.
- [4] *Комашко, Н. И.* Народная икона // Русская икона XVIII века. – Москва : Агей Томеш, 2006. – С. 263.
- [5] *Королюк, В. Д.* Русская крестьянская иконопись (традиции и развитие) // *Etudes balkaniques*. – 1971. – №3. – С. 206-218.
- [6] *Красилин, М. М.* Народные иконы: региональные особенности // Русское народное искусство. Сообщения. 1996. – Сергиев Посад, 1998. – С. 40–52.
- [7] Крестьянская живопись Поважья. Из собраний музеев Архангельской области : каталог / Сост. *Т.М. Кольцова*. – Москва : Сев. паломник, 2023. – 366 с.

- [8] Народная икона : каталог выставки / Сост. М.П. Боровик; вступ. ст. Е.В. Ройзман; [Кирилло-Белозерский музей-заповедник. Филиал «Музей фресок Дионисия»]. – Екатеринбург : Автограф, 2011. – 132 с.
- [9] Примитив в России, XVIII-XIX век : каталог выставки иконописи, живописи и графики / авт.-сост.: Е.В.Гладышева и др. – Москва, 1995. – 176 с.
- [10] Реформатская, М. А. Северные письма. – Москва : Искусство, 1968. – 45 с.
- [11] Смирнова, Э. С. Живопись Обонежья XIV–XVI веков. – Москва : Наука, 1967. – 188 с.

FOLK ICON: BYZANTINE HERITAGE IN TRADITIONAL CULTURE (TO POSING THE QUESTION)

Bitsadze Natalia Vitalievna

PhD in History, Associate Professor,
The Ilya Glazunov Russian Academy of Painting,
Sculpture and Architecture (Moscow)

Abstract. *The article is devoted to an important and little-studied phenomenon of Russian art – the folk icon. The features of its style and technical characteristics are considered, and the factors justifying the need for a folk icon are given.*

Key words: *folk icon, icon painting, red icon, chipped icon, cursive icon.*

© Бицадзе Н.В., текст, 2024
Статья поступила в редакцию 10.06.2024.

Ссылка на статью:

Бицадзе, Н. В. Народная икона: византийское наследие в традиционной культуре (к постановке вопроса). – DOI 10.34685/ИИ.2024.19.71.024 . – Текст: электронный // Культурологический журнал. – 2024. – № 3. – С. 18-20. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/662.html&j_id=61.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ «ИКОН ЧИСТОГО УКРАИНСКОГО ТИПА КИЕВСКОЙ ИКОНОПИСИ» НА СЛОБОЖАНЩИНЕ

DOI 10.34685/ИИ.2024.76.52.025

Краснова Ирина Владимировна

соискатель, Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С.Лихачёва (Москва)
Email: krasnova_i@mail.ru

Аннотация. Слобожанская икона – одна из духовных составляющих геокультурного пространства России. Благодаря первым исследователям церковного искусства Слобожанщины, находивших ее истоки в киевской иконописи, она была причислена к украинскому искусству, что в настоящее время является парадигмой. Цель статьи: используя методы исторического анализа, рассмотреть события XVII–XVIII вв., происходившие на территории Малороссии и Слобожанщины, и определить влияние киевской иконописной школы на развитие иконописного искусства Слобожанщины.

Сравнительный анализ доказал, что киевская иконопись, находившаяся во власти униатских священников с XVI по XVII ст., развивалась под сильным влиянием католической церкви и её искусства и только с XVIII ст. – под русским, а слобожанская формировалась в лоне русской православной церкви и испытывала те же изменения, что и русская.

Ключевые слова: Слобожанщина, Киев, иконы, православие, униаты, католицизм.

Начало изучения церковного искусства Слобожанщины положили такие исследователи рубежа XIX и XX столетий, как Е.К. Редин, Д.И. Богалей, Н.Ф. Сумцов, П.Г. Фомин. Делая упор на том, что на Слобожанщине в XVII–XVIII вв. были сильны миграционные процессы, названные колонизацией, они автоматически причислили ее религиозное искусство к заднепровскому, или украинскому. Так, по результатам выставки XII Археологического съезда было определено, что памятники живописи церковью Харькова и его губернии «примыкают к южно-русской, или малорусской (здесь – киевской. – И.К.) живописи, которая, находясь под сильным влиянием западной живописи эпохи Возрождения, подражает ее образцам, копирует их, но не рабски, а внося местные черты, типы» [1]. В этой связи цель статьи – определить, могла ли киевская иконопись XVII–XVIII вв. влиять на развитие слобожанской и в чем это влияние выражалось.

Слобожанщина на протяжении XVI–XVIII вв. являлась основным форпостом русского государства, ставившим заслон ордам крымских ханов на южных рубежах, польскому вторжению на западе и ногайским ордам на востоке. Изначально она формировалась как военная территория, на которой строились засечные черты, возводились монастыри и крепости. Сюда под защиту русского царя стекалось православное население из Речи Посполитой, а с конца XVII в. переселялись целые казачьи полки, которые вместе с русскими сторожевыми отрядами охраняли южные рубежи России. В своем исследовании «История города Харькова за 250 лет его существования (1655–1905)» Д.И. Багалей и Д.П. Миллер, говоря о черкасах, переселившихся на Слобожанщину, пишут, что не было в их военной среде художника и негде было им купить готовых икон.

В XVIII в. население Слобожанщины росло за счет переселенцев из Западной Европы и разных областей России.

В XVII – начале XVIII в. наблюдается всплеск церковного строительства на Слобожанщине, что повлекло за собой развитие церковного искусства. Еще в XVI в. в Москве были созданы специальные ремесленные мастерские, которые обеспечивали всеми необходимыми церковными принадлежностями вновь построенные церкви и монастыри на окраинных и вновь присоединённых территориях Московского царства. Благодаря такой поддержке и помощи в Белгородской епархии, в

которую входила вся Слобожанщина, к 1667 г. было построено 300 православных церквей, а в 1679 г. их насчитывалось уже 542. В 1721 г. только в Харьковской губернии насчитывалось 86 церквей, а к концу XIX в. их было около 1000. Исследователи отмечали: «Некоторые из них уже к половине XVIII в. достигли цветущего состояния, отличались обширным благоустройством, многочисленными архитектурными и богатыми храмами, драгоценною и оригинальных типов утварью, своеобразную иконопись» [2]. В 1726 г. в Харькове было открыто первое высшее учебное заведение – Харьковский Коллегиум. В 1768 г. под руководством академика И. Саблукова [3] в нём была начата целенаправленная подготовка живописцев по программам Императорской Академии художеств. К сожалению, памятников церковного искусства Слобожанщины до сегодняшнего дня практически не сохранилось.

П.Г. Фомин писал, что, переселяясь на Слобожанщину, черкасы и казаки приносили с собой из Заднепровья не только свой скарб, но иконы, иконостасы и даже церкви. Это позволило ему сделать вывод, что все созданное на Слобожанщине искусство имеет украинское (заднепровское) происхождение. В развитии этой теории в отношении слобожанской иконы появляются и закрепляются в научной литературе такие термины, как «черкасский стиль», «малороссийский характер живописи», которые «потом сказались и в направлении местной слободско-украинской иконописи». Эти идеи проходят красной линией во всех исследованиях XX и XXI вв.: С.А. Таранущенко, Л.Д. Соколюк, Д. Степовик, В.Г. Пуцко, В.С. Немцовой, В.В. Шулики, Т.В. Панёк и др. Они никогда не подвергались сомнению и пересмотру, а в настоящее время стали особенно популярны на Украине. Например, Д. Степовик, пишет: «когда Украина и Киев находились под унией и православие преследовалось поляками, в Киеве – процветало иконописное искусство, мастера которого, создали свою неповторимую иконописную школу, которая стала духовно-культурным центром всей Украины». А «киевский вариант стиля барокко распространяется на всё Приднепровье, достигает также Подолья и униатскую Волинь, левобережную Полтавщину, Слобожанщину, Черниговщину, Северщину и соседнюю Белоруссию» [4].

Для того, чтобы разобраться, что собой представляли *«иконы чистого украинского типа киевской иконописи»* [5] XVII в., обратимся к анализу исторических событий на территории Заднепровья и Киева.

С 1324 г. Молоросия была включена в состав Литовского княжества, а по результатам Люблинской унии 1569 г. вошла в состав Речи Посполитой.

Православные митрополии Малороссии пребывали под юрисдикцией Константинопольского патриархата, однако, несмотря на это, назначал православных иерархов польский король в награду за заслуги перед своим католическим отечеством, что приводило к постепенной утрате доверия православного населения к своим священнослужителям и соответственно авторитета этих церквей. Киев как культурная столица Киевской Руси перестал существовать.

В 1596 г. часть православных епископов Киевской митрополии заключили с папством Брестскую унию, результатом которой явилось принятие католического вероучения, передача земель православных храмов католической церкви. Это означало ослабление влияния Московского патриархата на земли Юго-Западной Руси и духовных связей православных в Речи Посполитой с Русским государством.

В 1600 г. главенство католической церкви на всей территории государства закреплялось королевской грамотой, по которой все права и собственность Православной Церкви Киевской митрополии переходили униатскому духовенству Речи Посполитой, включая Софийский собор и Выдубицкий монастырь.

К.О. Апанович приводит документы, убедительно показывающие бесправное положение православных в Речи Посполитой. После подписания Брестской унии Православная Церковь в католической Речи Посполитой утратила статус «терпимой» конфессии и была отнесена к «нетерпимым» вероисповеданиям, что стало причиной постоянных межконфессиональных конфликтов: «Ни федеративное устройство Речи Посполитой, ни ее шляхетская демократия не предотвратили иррациональной практики религиозной нетерпимости по отношению к православным» [6]. Такие иностранные путешественники, как Гейденштейн, Гваньини, Герберштейн, Лясота и другие, посещавшие Киев в конце XVI в., описывают его развалины и сожалеют об упадке некогда знаменитого города. Если обратиться к запискам Рейнгольда Гейденштейна, посетившего Киев в конце XVI века, то

он прямо указывает на то, что значительная часть города, многочисленные православные храмы и памятники старины лежат в развалинах, свидетельствуя о былой пышности и величии города. Из сохранившихся храмов он назвал лишь храм Святой Софии и храм Святого Михаила, которые, однако, пребывали в таком «жалком виде», что богослужения в них не совершались. Владения Киево-Печерской архимандрии постоянно подвергались разорению.

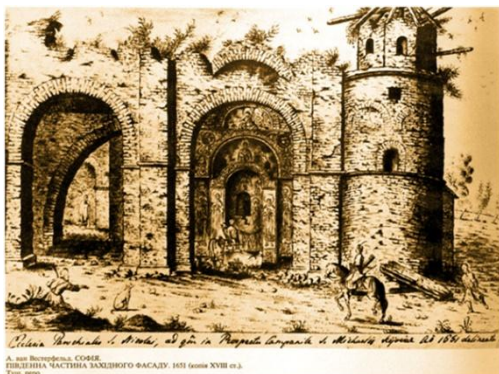

Рис. 1. Абрагам ван Вестерфельд. Собор св. Софии в Киеве. Южная часть западного фасада. 1651 г.
Abraham van Westerveld (1620/1621–1692, Роттердам) – голландский художник, работал при дворе литовского гетмана Януша Радзивилла.

Рис. 2. Абрагам ван Вестерфельд. Собор св. Софии в Киеве. Интерьер южной наружной галереи. 1651 г.

Такое положение дел привело к долгой и ожесточенной борьбе между последователями двух конфессий на западнорусских землях и положило начало развалу православной церковной организации. Уже в начале XVII в. латинская культура начала активно внедряться в православную, оказывая значительное влияние на церковно-полемическую литературу как униатов, так и православных. Это отразилось и в сакральном искусстве, прежде всего в иконописи. Таким образом, через католическую и униатскую церковь польское правительство и шляхта шаг за шагом совершали духовную экспансию в Малороссии.

Уния и ограничение прав православного населения положили начало освободительному движению украинских крестьян и казаков против польской шляхты. С конца XVI в. начались восстания под предводительством: Криштофа Косинского (1591–1593 г.); Северина Наливайко и последователями за ними выступлениями, возглавляемыми гетманом М. Жмайлом (1594–1596 г.); Тараса Федоровича (Трясило) (1625г.); Ивана Сулимы (1630 г.); П. Бута (Павлюк) (1635 г.); Якова Острянина (Остряницы) и Дмитрия Гуни (1637–1638 г.).

Н.Ф. Сумцов писал, что страдания Украины были так велики, что даже иноверцы и иноплеменники не могли воздержаться от выражения своего сожаления. Он приводит слова польского проповедника Млодзяновского: «Я думаю, что если бы Господь Бог собрал в одно место все слезы бедного народа, пролитые и проливаемые вследствие притеснений и разных несправедливостей, то человек в этих слезах мог бы утопиться. Милая Украина... в чем ты утонула? В слезах народа». И далее Сумцов с горечью констатирует: «Если поляк и католик так чувствовал горе Украины, то тем более оно должно было трогать сердца ее лучших кровных сынов» [7].

Усилиями гетмана П. Сагайдачного в 1620 г. иерусалимский патриарх Феофан, возвращавшийся из Московии, рукоположил митрополита (им стал Иов Борецкий) и украинских епископов и восстановил православную иерархию. Это явилось новым витком борьбы православных против католицизма и унии. В этой ситуации Киев на несколько десятилетий становился центром острой борьбы.

В 1633 г. польский король Владислав IV признал легальное существование православной митрополии в Киеве и четырёх епархий. На киевскую кафедру он утвердил Петра Могилу, создавшего в 1632 г. на основе объединения Киевской братской школы и школы Киево-Печерской лавры Киево-Могилянский колледж по типу иезуитских учебных заведений, ориентированных на прозападное воспитание подрастающего поколения. Православная знать и церковные иерархи – лидеры унии, возглавляемые Петром Могилей, с 1635 по 1638 г. продолжали осуществлять свои планы по «упрочнению» Православной церкви как части Польского государства, пытаясь убедить римские церковные власти в необходимости учреждения униатского Киевского патриархата.

В 1651 г. польско-литовский гетман Януш Радзивилл (1612–1655 г.) подверг Киев разграблению и сожжению: в частности, были опустошены Межигорский, Печерский, Выдубицкий, Михайловский Златоверхий, Никольско-Пустынный монастыри, Софийский собор, истреблены горожане и священники. Киев практически перестал существовать: даже через 15 лет его население насчитывало менее 10 000 человек. Лишь к концу 1742 г. население выросло до 15 000 ± 500 человек [8]. Надо отметить, что даже в начале XVIII в. Заднепровье всё еще лежало в руинах. Московский священник

Лукьянов, проезжая через Малороссию в 1702 г., оставил следующую запись: «Было это путешествие печально и уныло, потому что не видно ни города ни села, а были эти города красивы, сёла нарочиты видением, но ныне эти места пустыня»[9]. Поэтому более чем удивительно выглядит утверждение о строительстве и богатом украшении православных храмов на территории Киевской митрополии в описаниях П. Алеппского.

Только после начала восстания Хмельницкого (1648–1657 гг.) Киевский полк, образованный ещё в 1625 г., стал административно-территориальной и военной единицей Гетманщины, а Киев – полковым городом (а не столичным).

Православные гетманы неоднократно обращались за помощью к русскому царю с просьбой принять Войско Запорожское в русское подданство: в 1591–1593 гг. – гетман реестровых казаков Криштоф Косинский, позже в 1620 г. – посольство гетмана Петра Сагайдачного во главе с Петром Одинцом. Епископ Исаия Копинский в 1622 г., митрополит Иов Борецкий в 1624 г. и Тарас Федорович в 1630 г. выступали с той же просьбой, но речь шла уже обо всем населении Малороссии. Только в 1654 г. просьба Богдана Хмельницкого и представителей запорожского казачества о принятии Войска Запорожского в российское подданство была принята и решение об объединении территорий Украины, находившихся под властью запорожских гетманов (Гетманщина), с Россией, закреплено присягой на верность русскому царю. К моменту подписания Переяславльской рады в 1654 г. из Заднепровья на Слободскую Украину переселилось от 80 000 до 100 000 жителей мужского пола.

По условиям Переяславского соглашения Украина включалась в состав Русского государства. Это означало, что все доходы с городов и сел Малороссии оставались в гетманской казне, а кроме того, им присылались деньги из Москвы на поддержание крепостей и строительство православных храмов. Благодаря помощи русского царя Алексея Михайловича русскими воеводами уже в 1654 г. восстанавливается Старокиевская крепость, а некоторые соборы начинают отстраиваться заново, на что есть указания у П. Алеппского.

После смерти Б. Хмельницкого в 1657 г. «функция отца и защитника народа переходит к российским монархам» [10]. Но для России, еще не оправившейся от последствий Смуты, присоединение Малороссии означало длительную, кровопролитную и масштабную войну с Речью Посполитой, которая продолжалась 13 лет (1654–1667 гг.). С избранием гетманом И. Выговского – польского сторонника, в казацкой среде начались восстания и борьба между различными политическими группами украинского казачества, переросшие в гражданскую войну (1657–1687 гг.), получившую в историографии название «Руина». В 1667 г. после заключения Андрусовского перемирия между Россией и Польшей, закрепившего раздел Гетманщины между этими двумя государствами, Правобережная Украина снова перешла под протекторат Речи Посполитой.

В 1680 г. польский король Ян III предпринял новую попытку объединить православных и униатов. В ответ на это в свою очередь архимандрит Киево-Печерской Лавры Иннокентий Гизель обратился к русскому царю Федору Алексеевичу с просьбой защитить православных Речи Посполитой.

При патриархе Иоакиме (1674–1690 гг.) в 1685 г. часть Киевской митрополии (Киевская и Черниговская епархии), находившейся в юрисдикции Константинопольского престола, была переподчинена Московскому патриархату. Только в 1686 г. по результатам «Вечного мира» Киев был окончательно выкуплен Россией у Речи Посполитой за 146 тысяч рублей серебром [11]. С этого времени начинается полноценное церковное строительство.

В период гетманства Ивана Мазепы (1687–1708 гг.) киевский архитектор Иван Зарудный по поручению гетмана ездил послом в Москву для решения вопроса о работе в Киеве ведущих московских архитекторов Осипа Старцева и Дмитрия Аксамитова. Г.К. Лукомской в книге «Киев: церковная архитектура XI–XIX века; византийское зодчество; украинское барокко» приводит некоторые даты строительства Киевских храмов, относящихся к XVII и XVIII вв., построенные при гетмане И. Мазепе: Николаевский военный собор (1690–1693 гг.); Петропавловская церковь (1691 г.); Трехсвятительская церковь (1693–1695 гг.); Георгиевская церковь Выдубицкого монастыря (1696 г.); «Экономическая церковь» (1696–1698 гг.); Рождественская на Дальних Пещерах (1696 г.), Соборы Лавры (1718 г., автор Федор Старченко); Колокольня Лавры (1735–1745 гг.) и другие. Как видно из этого перечня все киевские храмы построены после вхождения Киева в состав русского государства.

Из книги А.И. Успенского «Царские иконописцы и живописцы XVII» известно, что в 1681 г. иконописец Оружейной палаты Карп Золотарев – ученик Салтанова по государеву указу был прислан «описывать церковные чертежи» в Киев, Глухов и Батурин, Переяславль, Нежин, «в иные розные малороссийские города».

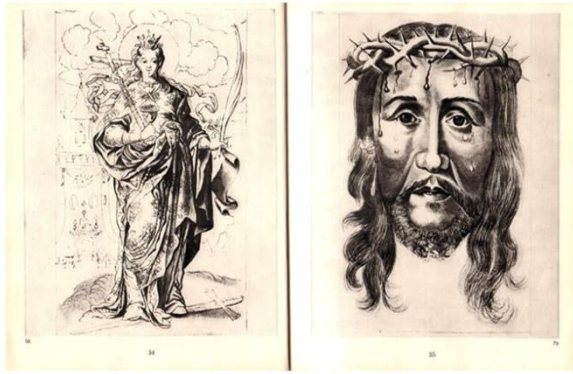
Карп Золотарев. Богоматерь с младенцем на престоле. Конец XVII в.

В это же время «по обеим сторонам Днепра» при гетмане Иване Самойловиче (1672 – 1687 гг.) в «малороссийские города Батурии войска запорожского» были направлены для работы иконописцы Оружейной палаты: в 1682–1683 гг. – ученик Симона Ушакова Георгий Терентьевич Зиновьев; в 1686 г. – Семен Золото (Золотой); Осип Клокунов, Елисей Иванов, Антон Байковский, Дмитрий и Федор Балашовы, Осип Клокунов, Евтихий Богданов. А в первой трети XVIII в. из России в Великороссию выезжали художники, которые в России не рассчитывали на успешный карьерный рост.

Для золочения икон в Киевские церкви был приглашен московский «сусальник» Иоаким Евтихеев, который после того, как «преславно украсил иконы» Софии Киевской, был отпущен в Москву [12]. О том, что художественные материалы так же привозились из Москвы, свидетельствует датированное 1649 г. письмо миргородского полковника Матвея Гладченко к московскому царю, в котором он просит разрешения закупить в Москве «материалы и краски к малярскому ремеслу принадлежащей», необходимые для выполнения иконописных работ в новопостроенной церкви в Миргороде. Василий Острожский в своем произведении «О единой истинной православной вере» писал про отсутствие у киевских «иконописцев искусно... по первообразному образы написующие».

О киевских иконописцах XVII в. в литературе сведений практически нет. Первые иконописцы и иконописные мастерские появляются только в первой половине XVIII в. До 1763 г. в Лавре проводились «келейные малярские обучения» отдельными монахами-иконописцами, у которых находились в обучении послушники из Киева и западных областей. Первым начальником «келейных малярен» с 1730 по 1744 гг. был Феохист Павловский [13]. Среди имен киевских иконописцев и 20 их учеников, обучавшихся в иконописных мастерских Киево-Печерской лавры с 1759 г. по 1769 г, называются имена сербов, болгарина, грека [14], однако среди них нет ни одного выходца из Слобожанщины. Среди мест, где работали киевские иконописцы, названы храмы во «множестве сел и местечек, принадлежавших Лавре, а из удаленных мест – сербские монастыри Крушедол и Боджани, где ими выполнялись настенные росписи и иконостас Троицкой надвратной церкви. Упоминаний о работе киевских мастеров на территории Слобожанщины на сегодняшний день не выявлено. Исследование киевских так называемых южнорусских икон, проведенное профессорами И. Сахаровым, Д.А. Ровинским Н.И. Петровым, М.П. Истоминым в конце XIX в., убедительно доказывают:

1. Киевская школа иконописи в XVII в. ограничивается повторением Печерского Патерика, однако памятников этой школы к концу XIX в. не сохранилось.
2. О достижениях русских иконописцев XVI–XVII вв. наглядно свидетельствуют открытия, сделанные реставраторами в XIX нач. – XX вв. Под слоями поздних наслоений живописи кроется искусство, «располагающее огромной силой цвета, изобретательности в композициях и достигшее высокого мастерства исполнения. Все в нем, начиная от глубоко своеобразной техники, говорит о чрезвычайно древних и прочных традициях» [15].
3. При киевском митрополите Петре Могиле в Киеве началось «систематическое собирание памятников западно-европейского гравировального искусства с целью применения его к нуждам южнорусской церкви» [16], и с конца XVII в. гравюры из альбомов и атласов, изданных в Германии, Италии, Франции и Голландии, становятся основой для копирования «в ученических работах местных киево-печерских маляров» [17]. Излюбленным источником для лаврских художников был «Библиейский театр» Николая Фишера в латинизированной форме Пискатора.

Жолтовський П.М. Навчальні малюнки учнів іконописної та малярської майстерні Києво-Печерської лаври
Рисунки XVIII в.

4. Для организации лаврской школы церковной живописи был приглашен итальянский живописец Вениамин Фридериче, расписывавший в 1758 г. Бердичевский кармелитский монастырь [18]. Иконописная школа при Лавре была открыта в 1763 г.

5. Влияние западной живописи на южнорусскую иконопись посредством гравюр определило ее характер «как подражательный» и «примитивный» с точки зрения технологии, о чем свидетельствуют образцы икон, представленные в «Альбоме достопримечательностей церковно-исторического музея при Императорской Киевской духовной академии».

6. С XVI в. на южнорусскую иконопись значительное влияние оказывает северорусская иконопись. Большое количество икон непосредственно жертвовались русскими людьми, также большая часть привозилась на продажу в Киев из Литвы, а с присоединением Киева к Московскому царству по приглашению киевских митрополитов в киевских храмах работали московские мастера (например, Иоаким Евтихеев, В.Л. Боровиковский).

7. Подражание московскому религиозному искусству также наблюдается в увеличении числа ярусов иконостаса (появляются 7-ярусные).

Выводы

18. Пресв. Богородица.

Пресвятая Богоматерь
Из альбома выставки XII Археологического съезда
(Харьков, 1902 г.)

Исходя из анализа политической ситуации в Малороссии в XVI–XVIII вв. неправомерно говорить о развитии в это время киевской живописи и привлечении польских или иноземных художников для росписи разрушенных православных храмов. В конце XVII–XVIII вв. Малороссия и Киев только оправлялись от ужасных разорений, учиненных польской шляхтой и католической церковью. С помощью русского государства на этой территории восстанавливалось православие, строились новые православные храмы, для их росписи отправлялись известные московские живописцы. На Слобожанщине в это же время уже процветало церковное искусство.

Для создания иконописной школы в Киеве приглашались иностранные мастера (Вениамин Фридериче), а на Слобожанщине профессором Императорской Академии художеств И. Саблуковым воспитывались собственные кадры живописцев. Поэтому киевская иконописная школа, возникшая только во 2-й пол. XVIII в., никак не могла быть прародительницей Слобожанской иконописной школы, которая с 1768 г. уже начала подготовку собственных живописцев под руководством академика Императорской Петербургской академии художеств И. Саблукова.

Кроме этого, Малороссия была присоединенной территорией, а Слобожанщина – изначально являлась частью геокультурного пространства России. Московское правительство и РПЦ прилагали все усилия для развития православного церковного искусства на Слобожанщине в связи с огромным количеством переселенцев из Речи Посполитой, ощутивших на себе сильное влияние католичества. Такое внимание государства к церковным нуждам Слобожанщины было вызвано тем, что здесь возникла необходимость противостояния католическо-униатской экспансии Запада с одной стороны и постоянная опасность с мусульманского Юга.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Редин, Е. К. Храмы города Харькова : 2-е изд., испр. и доп. – Харьков : ХЧМУГУ.; САГА, 2006. – 108 с.

- [2] *Фомин, П. Г.* Церковные древности Харьковского края / П.Г. Фомин. – Харьков : ХЧМГУ 2011. – 237 с.
- [3] *Краснова, И. В.* И.С.Саблуков – «жертва царских вельмож» или основатель художественной школы на Слобожанщине. – Текст: электронный // Актуальные вопросы культуры, искусства, образования. 2023. № 1. С. 24–35. DOI: 10.32340/2949-2912-2023-1-24-35 (дата обращения: 21.01.2024).
- [4] *Степовик, Д.* Історія української ікони Х–XX століть : Вид. 2-е, стереотип. – Київ : Либідь, 2004. – 440 с. – То же: <https://ru.djvu.online/file/eFHG5H9Kcx9HI> (дата обращения: 16.01.2024).
- [5] *Фомин, П. Г.* Указ. соч. С. 135.
- [6] *Апанович, К. О.* Православие в Речи Посполитой и Османской Империи в конце XVI – первой трети XVII в. // Христианское чтение. – 2015. – С. 59–75.
- [7] *Сумцов, Н. Ф.* О литературных нравах южнорусских писателей XVII ст. / Н.Ф. Сумцов. – Санкт-Петербург : тип. Имп. Акад. наук, 1906. – С. 4.
- [8] Історія міст і сіл Української РСР: В 26 т. Київ / Гол. ред. кол.: Тронько П. Т.; Ін-т історії АН УРСР. – Київ : УРЕ АН УРСР, 1968. – С. 57.
- [9] *Лукьянов.* Путешествие в Св. Землю. Изд. Бартенева. См.: *Сумцов, М. Ф.* Слобожане. Исторично-этнографична розвідка. – Харьков : Союз, 1918. – 250 с.
- [10] *Лукашова, С.* Малороссия и малороссы в Российской империи в XVIII веке: стратегии интеграции // Малороссы против украинцев: украинский вопрос в науке, государственной и культурной политике Российской империи и СССР : Очерки. – Москва : Ин-т славяновед. РАН, 2018. – С. 53–98.
- [11] *Ромер, Е.* O wschodniej granicy Polski z przed 1772 r. // Księga Pamiątkowa ku czci Oswalda Balzera. – Львов, 1925. – Т. 2. – 358 с.
- [12] Архив Юго-Западной России : Т. III. – Санкт-Петербург, 1861, №№ 60-62. – С. 65-66.
- [13] *Рыжова, О. О.* Иконопись Киева XVIII века: мастерские и сохранившиеся произведения. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 5: Вопросы истории и теории христианского искусства. 2013. Вып. 1 (10). – С. 113.
- [14] *Истомин, М. П.* К истории живописи в Киево-Печерской лавре // Труды X-го Археологического съезда в Риге в 1896 г. Т. III: Протоколы. – Москва, 1900. – 162 с.
- [15] Выставка Древне-Русского искусства, устроенная в 1913 году в ознаменование чествования 300-летия Дома Романовых : [Каталог] / Имп. Мос. археол. Ин-т им. Имп. Николая II. – Москва : Тип. П.П. Рябушинского, 1913. – 137 с., 56 ил.
- [16] *Петров, Н. И.* Альбом достопримечательностей Церковно-археологического музея при Киевской Духовной Академии. Вып. IV–V / Киев, 1915. – То же: <https://elib.nlu.org.ua/view.html?id=1024> (дата обращения: 26.10.2023).
- [17] *Истомин, М. П.* Указ. соч. С. 64-65.
- [18] Там же. С. 50-51.

ON THE ORIGIN OF «ICONS OF THE PURE UKRAINIAN TYPE OF KYIV ICON PAINTING» IN SLOBOZHANSCHYNA

Krasnova Irina Vladimirovna

Post-graduate student, Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage (Moscow)

Abstract. *The Slobozhanskaya icon is one of the spiritual components of the geocultural space of Russia. Thanks to the first researchers of the church art of Slobozhanshchina, who found its origins in Kyiv icon painting, it was included in Ukrainian art. that the present is a paradigm. The purpose of the article: using the methods of historical analysis, to consider the events of the 17th – 18th centuries taking place in the territory of Little Russia and Slobozhanshchina and to determine the influence of the Kyiv icon painting school on the development of icon painting art of Slobozhanshchina.*

A comparative analysis has proven that Kiev icon painting, which was under the control of Uniate priests from the XVI – XVIII centuries, developed under the strong influence of the Catholic Church and its art, and only

from the 18th century - under the Russian, and Slobozhanskaya - was formed in the bosom of the Russian Orthodox Church and experienced the same changes as the Russian one.

Key words: *Slobozhanshchina, Kyiv, icons, Orthodoxy, Uniates, Catholicism.*

© Краснова И.В., текст, ил., 2024
Статья поступила в редакцию 10.06.2024.

Ссылка на статью:

Краснова, И. В. О происхождении «икон чистого украинского типа киевской иконописи» на Слобожанщине. – DOI 10.34685/ИИ.2024.76.52.025. – Текст: электронный // Культурологический журнал. – 2024. – № 3. – С. 21-28. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/663.html&j_id=61.

**НУЛЕВАЯ СТЕПЕНЬ ИГРУШКИ:
ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ТРАДИЦИИ ОСМЫСЛЕНИЯ**

DOI 10.34685/HI.2024.85.32.026

Марков Александр Викторович

доктор филологических наук, профессор Российского
государственного гуманитарного университета (Москва)
Email: markovius@gmail.com

Штайн Оксана Александровна

кандидат философских наук, доцент Уральского
федерального университета (Екатеринбург)
Email: shtaynshtayn@gmail.com

Аннотация. В статье исследуется соотношение отдельной игрушки и мира детства в отечественной детской книге первой трети XX века. Близкое чтение текстов и реконструкция контекстов тогдашней психологии и социологии (Вундт, Бехтерев, Павлов) показывает, что в игрушке выделялась нулевая степень, ее минималистическая функциональность (палка — лошадь), менявшая телесные привычки ребенка. Такое изменение телесных привычек позволяет не противопоставлять дореволюционную буржуазную детскую и послереволюционный мир индустрии, но видеть их сродство в непосредственном освоении ребенком многообразия мира. Рассмотрены ключевые детские книги с изображением игрушек, от Бориса Дикса до Агнии Барто, и показано, как в них постепенно происходит индустриализация уже тела самих игрушек.

Ключевые слова: игрушка, детская книга, кукла, философия игрушки, социальная психология, детство, репрезентация, условность, книжная иллюстрация.

В своей программной работе «Нулевая степень письма» (1953) [1] французский философ Ролан Барт доказывал, что история литературы Нового времени встроена внутрь буржуазных отношений, репрезентирующих действительность в ложных декорациях денег, приличий и убеждений. Писатель остаётся писателем только благодаря стилю как остатку прежней риторики, и удерживающему его писательство. Но реальность продолжает обступать писателя и принуждает отойти и от остатка риторики и перейти к «нулевой степени письма» — вызывающей бесстыльности, которая при этом не тождественна непосредственности. Такую нулевую степень письма Барт видел в творчестве Камю и отчасти Сартра — реакция на меняющуюся действительность в их произведениях показывает, сколь косны все прежние способы говорить о действительности, включая прежние стилистические возможности.

Блестящая аргументация Барта имеет в виду своеобразную взаимную зависимость письма и постоянно меняющейся ситуации, но не внутри реальных отношений, а внутри семиотического проекта. Писатель может обойтись без рутинного стиля потому, что мир может обойтись без мифологизации себя. Но при этом мир достаточно инертен; поэтому «нулевая степень письма» писателя существует скорее как проект, как некоторое ожидание отзыва мира, который должен обойтись без привычных мифологий, который должен сам себе предъявить экзистенциальный вызов. Революционная ситуация для Барта времен этой работы находится в будущем.

Мы исходим из того, что такое проектирование вполне может осуществляться при разрыве между миром детской, которая должна подготовить ребенка ко взрослой жизни, и постоянно меняющейся взрослой жизнью. Ребенку начала XX века интереснее ремесла и технологии, чем обычные игрушки, о чем есть много свидетельств в литературе, например, в повести «Конduit и Швамбрания» (1935) Л. Кассиля. Постоянное изменение облика города, облика улиц не позволяет воспринимать старые сюжеты игры как законченные, самодостаточные, игры с игрушками оказываются чем-то неинтересным в сравнении с вызовами современности.

Но ребенок может как-то отреагировать на эти вызовы современности только с помощью игр и игрушек, которые обладают *нарративным потенциалом*, то есть с которыми можно рассказывать и разыгрывать истории. Тогда в играх появляются не только приметы современности, но сам ребенок несет для этих игрушек современность. При этом ребенок должен войти в этот игрушечный мир, принять его всерьез, чтобы сообщить современность игрушкам. Эта *взаимная зависимость*, при которой ребенок, знающий о современности, должен подражать игрушкам, чтобы игрушки начали подражать индустриальной современности и принимать ее практические сюжеты, и стала магистральной коллизией детских иллюстрированных книг об игрушках на протяжении долгого периода, как раз периода вокруг революционной ситуации и революционных преобразований разного уровня в отечественной истории.

Итак, ситуация, которую имеет в виду Барт, вполне была разыграна в революционную эпоху русской истории, но не в мире литературных техник, а в мире игрушек. Именно тогда была создана идея особого детского тела, как тела познания и тела труда. Впервые она появляется еще в дореволюционной литературе, когда взаимодействие ребенка с игрушками понимается не как освоение отдельных социальных навыков, но как *непосредственное вхождение в социальное поле*. Именно такое вхождение и создает предпосылки для нулевой степени игрушки, когда палка может быть превращена в коня, в солнечные часы или мачту с одинаковым успехом. Вопреки расхожему представлению о разрыве между дореволюционной детскостью и послереволюционной коммунальной индустриальностью, эти книги показывают, что родство между тем и другим было большим, чем разрыв. Дореволюционная детская уже вполне была конструктивистской коммуной, а советский детский сад под сенью бывшей усадьбы содействовал последовательному освоению нулевой степени игрушки, сам освобождаясь от прежнего стиля.

Знаковой для нулевой степени игрушки стала книга Б.А. Дикса «Игрушки» с иллюстрациями Г.И. Нарбута [2]. В ней с самого начала противопоставляются два режима использования игрушек. Сначала мальчик на игрушечном коне покоряет окрестности, разыгрывая сюжеты по прочитанным книгам, например, визит к индейцам. Но потом проводником, как бы Гермесом мальчика, оказывается неваляшка, Господин Вам-Поклон, который уменьшает мальчика до размеров куклы и водит по царству игрушек. Из колонизатора и покорителя мальчик становится социологом-практиком. В обоих выпусках этой стихотворной книги мальчик фиксирует чужую речь: маршевую песню оловянных солдатиков, дикую песню болванчика-готтентота, вальс вращающихся на карусельке китайцев. Все эти песни написаны на один ритм — это говорит, что в них выражаются не столько особенности культур, сколько само действие мальчика, который берет игрушку, начинает ее вертеть, стучать ей, то есть всячески вводит ее в ритм.

Книга Дикса показывает, что само тело играющего должно не торопиться стать взрослым телом — сначала надо узнать, где живут игрушки и что они могут сделать, то есть познакомиться с картографией самой индустрии, где стоит на площади Щелкунчик, где сидит Готтентот, а где Китайцы своим вальсом помогают карусели вертеться. При этом герой книги Дикса путешествует по царству игрушек с их огромными гротескными телами как во сне, без всякого путеводителя, пересекая реку или проходя расстояние от города до города. Во второй части мы можем реконструировать сюжет, что происходит в реальности: мальчик превращает коробку во дворец, и получает в дар от игрушечного Короля живого кота. *Коробка и оказывается нулевой степенью игрушки*: благодаря ней оказывается возможно разыграть представление с игрушками, так что они находят себя, находят в себе возможность двигаться и играть. Иначе говоря, мальчик и показывает, как общение игрушек требует этой начальной ситуации работы с коробкой, превращения коробки из простого вместилища игрушки в театр, причем театр, который вновь делает эту коробку вместилищем, уже для кота. Мальчик поэтом и возвращает себе тело мальчика, как мир игрушек приобретает для себя живого кота. Так вместо прежнего стиля, *стилизации* игрушек в соответствии со стилем кукольного домика, приходит *наступление реальности*: новый индустриальный мир требует строгой локализации развлечений, парка развлечений, где карусель вертится сама собой.

Такое появление нулевой степени игрушек восходит к психологии В. Вундта, к его учению о фантазии как социальном навыке, превращающем любой подручный инструмент в устойчивый ресурс социальных взаимодействий [3]. В начале XX века в интеллектуальной культуре России идеи Вундта понимались в контексте экспериментальной психологии Гельмгольца, превращения стимула, очень краткого и трудно фиксируемого приборами, в навык [4]. *Амальгама* этих идей *пространственной фантазии и временного стимула* и стало частью *пространственного воображаемого* раннесоветских

экспериментов, включая проекты компенсации инвалидности [5]. Мы можем понять, как мы ездим на лошади, но не можем зафиксировать наш момент освоения лошади, момент выработки реакций, необходимых для сидения на лошади. Как только более чуткие приборы в начале XX века стали это фиксировать, что происходит с какой мышцей, а на бытовом уровне это означало прежде всего распространение кинематографа, перехода от волшебного фонаря к кинематографу [6], стала возможна нулевая степень игрушки. Палка стала представлять коня не только на улице, где просто это добавление к бегу — дети бегут и играют в едущих на конях — но и в детской. Подразумевалось, что реакции правильно разложены, а значит, благодаря скаканию на коне, можно освоить верховую езду уже не как индивидуальный, но и как социальный навык.

Вершиной нулевой степени игрушки стала игра в больницу, шедшая по одним правилам в дореволюционную и послереволюционную эпоху, когда любой листик — рецепт, любая палочка — шприц или скальпель и т.д. В этой игре требуется только одно: статичность «пациента». Всё остальное принадлежит ассоциативной психологии, и здесь ассоциативность в вундтовском понимании поддерживается структурой больницы как алгоритмом действий и разметкой-расписанием вещей, но одинаково нужных для выздоровления. Ассоциация и создает, согласно ассоциативной психологии Вундта и его последователей, социальный образ здорового общества. Но только получается, что теория Вундта безупречно работает только с больницей, а не с какими-то другими объектами. Не случайно советская нулевая игрушка из подручных материалов была еще ярко выражено антиклерикальной, когда требовалось, например, сбивать кегли, изображавшие духовенство — церкви понимались как структуры, неправильно создающие алгоритм, направленные только на личное спасение и на личный успех, а не на коллективный успех. Но нам интереснее, что нулевая степень игрушки подразумевала не только палки и коробки, но и любые готовые вещи, которые резко меняли своё назначение в ходе социальных преобразований.

В книге Б. Смирнова 1923 года [7] иллюстрируются детские игры. Детский сад расположен в бывшей усадьбе: дети играют настоящей барской посудой и используют настоящую мебель оттуда во дворе. Тем самым, они превращают вещи-бездельницы в подручные, работающие вещи, и осваивание лепку, рисование и другие техники, они возвращают труд природе так же, как вещи были возвращены труду. В конце концов, лепя уток из глины, они знакомятся потом с сельскими утками. Здесь игрушка — это эпифеномен труда, причем освобожденного от капитала, и потому возвращаемого природе так, как прежних фильтров капиталистических отношений уже нет. Тем самым, изменение функции усадьбы оказывается принятием природы как главной индустрии, где и создаются вещи, например, создается животноводство, с соответствующим производством продукции — память о голодных годах была очень жива, и поэтому собственно инструментализация природы и была здесь единственной социальной перспективой ее освоения.

Но индустриализация шла неудержимо. Как в книге Дикса ребенок, превратившийся в куклу, должен был освоить самодвижущиеся механизмы, так это произошло и в советских книгах. Только здесь не было уже путешествия без путевода, была только наоборот, проекция взрослого мира в мир детских увлечений. Это соответствовало новому статусу кинематографа, не развлекательного, а агитационного, непосредственно проецирующего норму в жизнь юного человека здесь и сейчас. В книге Я. Мексина «Самоделки» (1930) [8] уже рекомендуется переделывать кукол, заменяя руки или ноги инструментами, чтобы изобразить движущихся и непрерывно работающих кукол, которые безупречно совершают нужные движения. Мимесис, когда ребенок хочет воспроизвести то, что видит на стройке или лесопилке у родителей, приводит к тому, что кукла становится сценой для разыгрывания бесконечного спектакля индустриализации. История куклы должна быть полностью обменена на историю индустриализации. Старая кукла рассматривается только как материал для создания механизма индустриализации, у нее должно остаться только воспринимающее и размножающееся тело, голова и туловище, а руки и ноги заменяются частями непрерывного станка. Эти трансформации сразу напоминают о пафосе инвалидного труда как по-настоящему подлинного в литературе 1930-х годов, достаточно упомянуть романы «Как закалялась сталь» Н. Островского и саму судьбу автора этого романа и «Счастливая Москва» А. Платонова.

Мексин при этом исходил из того, что природа — не просто ресурс питания, но это обращенное к человеку бытие, компенсирующее недостаток сил. Мексин вместе со скульптором-анималистом Василием Ватагиным учил детей в 1925 году лепить зверей во дворике московского Музея изобразительных искусств. Материалом стало папье-маше, что замечательно: тем самым, дети делали не копии, а завершённые поделки, от создания самого материала до пластики, до оформления его со

всем вниманием к природе, ее настроением, ее обращенности к человеку. Этот педагогический опыт должен был превратить саму природу в *индустрию форм*: так что любой материал в руках ребенка позволяет познать открытость природы. В этом видно влияние опытов Психоневрологического института Бехтерева, где учился, в частности, Кузнецов, крупнейший иллюстратор детских книг. Именно там разрабатывались общие принципы изучения человеческой психологии и зоопсихологии и именно там поддерживались идеи санаторно-курортного лечения, как наделения человека силами со стороны самой природы. Проект Мексина — аналог рефлексологии И. Павлова: условный рефлекс столь же завершен, как и безусловный, но завершен благодаря особой пластике социального, в которой множество непредсказуемых ситуаций компенсируется некоторым самовоспитанием, которое производит с собой и над собой наша *высшая нервная деятельность*.

В 1932 году Александр Абрамов выпустил книгу «Конвейер» [9]. Эта книга состоит из двух частей — очерка об автомобильном конвейере (фордовском), где он изображен на иллюстрации с высоты птичьего полета, и инструкции по созданию собственного конвейера. Схематизация и натурализация промышленного конвейера, вьющегося среди цехов, знаменовала, что всякий «формализм» в иллюстрации уже отброшен. Книга показывала картинкой, как дети должны аккуратно сесть в ряд на стульях, а дальше давала алгоритм совместного изготовления бумажного мячика: дети делают по одному сгибу, придавая листу сложную форму, а последний в ряду надувает мячик, этот сложный бумажный многогранник. Тем самым, уничтожалось чудесное в оптике конвейера, разрыв между рутинной производственных операций и чудом блестящего автомобиля. Просто чудо-богатырь должен надуть мячик; героический персонаж, вроде тогда еще не прославившегося Стаханова, должен превратить конвейерное производство в создание рекордов и самоочевидного торжества технического бытия. Абрамов был пропагандистом самоделок: его следующие книги учили школьников самим делать электрические и паровые двигатели, даже фотоаппараты и детекторные радиоприемники — школьникам предстояло стать красноармейцами.

В конце концов, итогом индустриализации стал памятный всем с детства цикл «Игрушки» Агнии Барто, опубликованный в 1936 году [10]. Весь эффект этого цикла состоит в том, что хотя иллюстрации того же К. Кузнецова изображают вполне ремесленные игрушки, как знаменитый бычок-неваляшка, наделение игрушек речью делает их частью уже колхозной обобщенной индустрии. Они говорят не как игрушки, а как некоторое общее достояние обобщенного народного хозяйства, и в этом смысле проект Агнии Барто и есть растворение нулевой степени игрушки в колхозном коллективизме, который и есть источник всех высказываний о происходящем в социалистическом хозяйстве. В этом хозяйстве старое ремесленное и старое индустриальное равно стало частью единого тела колхозного строительства.

Итак, мы видим, что нельзя резко разводиться дореволюционное отношение к игрушке как забаве и послереволюционное отношение как к пробе социальных навыков и одному из инструментов воспитания. На самом деле и та, и другая игрушка принадлежали к ситуации великих технических и социальных перемен и имела свою нулевую степень. В этой нулевой степени игрушка воспитывает новые телесные навыки у ребенка, требует не колонизировать мир, а разобраться лучше со своими рефлексам и устремлениями, связав своё чувство пространства и времени с отношением к вещам. В конце концов, пластическое обхождение с пространством и временем должно было конвертироваться в пластику творчества из ничего. Палка и лист превращались в коня и коня из папье-маше.

Это творчество из ничего ставило ребенка уже не перед социальными ситуациями, а перед самой природой, как нулевая степень письма ставит писателя перед своей же собственной аналитико-критической способностью. Именно природа выступает как главный критик техники, поскольку именно она определяет ее продуктивность, как бы судит, может ли механизм так накормить людей, как кормит их растениеводство и животноводство. Природа и должна компенсировать инвалидность людей в широком смысле, невозможность расписать до конца пространство и время. Колхозное коллективное тело, понятное как здоровое, вытеснило это инвалидное тело, тело авангарда.

Нулевая степень игрушки позволяет увидеть авангардность русского модерна, вроде модерна Г. Нарбута, но и вполне модерное воображение в русском авангарде, для которого и природа, и история оказывается набором вещей, *чужим словом*, по выражению М. М. Бахтина, функцию которых надо переменить для того, чтобы открыть в индустрии своего тела, в работе с собственным телом, залог понимания индустрии новых, еще не освоенных вещей и состояний мира. Что для Барта было мечтой,

для Бахтина было реальностью — и нулевая степень игрушки помогает лучше понять, что такое нулевая степень письма.

ПРИМЕЧАНИЯ

- [1] *Барт, Р.* Нулевая степень письма. – Москва : Акад. проект, 2008. – 144 с.
- [2] *Дикс, Б. А.* Игрушки. / рис. Г. Нарбута. – Москва; Санкт-Петербург : Изд-во Кнебея, 1911. – Кн. 1. 12 с., ил.; кн. 2. 12 с., ил.
- [3] *Марков, А. В.* Психология искусства как искусствоведческая дисциплина // *Артикульт.* – 2022. – № 4 (48). – С. 80–101.
- [4] *Костригин, А. А., Стоюхина, Н. Ю.* Экспериментально-психологические концепции в дореволюционной российской психологии // *Психологическое знание: стадии исследовательского процесса.* – Москва, 2023. – С. 331–391.
- [5] *Котомина, А. А.* «Шестое чувство у слепых»: от измерения к протезированию // *История науки и техники. Музейное дело. Периодическая таблица технологий: человеческий фактор : Материалы XIII Междунар. науч.-прак. конф.* Москва, 3–5 дек. 2019 г. Вып. 12. – Москва : Политех. музей, 2020. – С. 331–341.
- [6] *Котомина, А. А.* Археология интермедиальности: публичные народные чтения с «Волшебным фонарем» в России в 1872-1915 гг // *Практики и интерпретации: журнал филологических, образовательных и культурных исследований.* – 2016. – Т. 1. – № 4. – С. 16-36.
- [7] *Смирнов, Б.* Игрушки — забавы детей. – Москва : Г.Ф. Мириманов, 1923. – 12 с., ил.
- [8] *Мексин, Я.* Самоделки / картинки К. Кузнецова. – Москва : ГИЗ, 1930. – 12 с., ил.
- [9] *Абрамов, А. Н.* Конвейер. – Москва : ОГИЗ, 1932. – 16 с., ил.
- [10] *Барто, А.* Игрушки. – Москва : Детиздат, 1936. – 16 с., ил.

ZERO DEGREE OF A TOY: RUSSIAN AND SOVIET TRADITIONS OF CONCEPTUALIZATION

Markov Alexander Viktorovich

D. in Philology, Full professor,
Russian State University for the Humanities (Moscow)

Shtayn Oksana Alexandrovna

PhD in Philosophy, Associate professor,
Ural Federal University (Ekaterinburg)

Abstract. *The article investigates the correlation of the individual toy and the world of childhood in the Russian and Soviet children's book of the 1st third of the 20th century. Close reading of the texts and reconstruction of the contexts of the then psychology and sociology (Wundt, Bekhterev, Pavlov) shows that the zero degree, its minimalistic functionality (stick - horse), which changed the child's bodily habits, was emphasized in the toy. This change in bodily habits allows us not to oppose the pre-revolutionary bourgeois children's world and the post-revolutionary world of industry, but to see their affinity in the child's direct exploration of the diversity of the world. The key children's books with the image of toys, from Boris Dicks to Agniya Barto, are considered and it is demonstrated how they gradually industrialize the bodies of toys themselves.*

Key words: *toy, children's book, doll, philosophy of the toy, social psychology, childhood, representation, conventionality, book illustration.*

© Марков А.В., Штайн О.А., текст, 2024
Статья поступила в редакцию 10.06.2024.

Ссылка на статью:

Марков, А. В., Штайн, О. А. Нулевая степень игрушки: отечественные традиции осмыслени. – DOI 10.34685/НЛ.2024.85.32.026. – Текст: электронный // *Культурологический журнал.* – 2024. – № 3. – С. 29-34. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/664.html&j_id=61.

МЕМОРИАЛЬНОЕ ПРОСТРАНСТВО РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ КАК ФЕНОМЕН ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

DOI 10.34685/NI.2024.34.32.028

Пархоменко Татьяна Александровна

доктор исторических наук, руководитель отдела культурологии
Российского научно-исследовательского института культурного
и природного наследия имени Д.С.Лихачёва (Москва)
Email: ParchomenkoT@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируется мемориальное пространство русского зарубежья как часть общего культурного пространства России и русского мира. В центре внимания исследования находится мемориальная культура – культура памяти, которая рассматривается на разнообразном эмпирическом материале существующих в зарубежье русских мемориальных объектов: некрополя, воинских мемориалов, памятников монументального искусства, мемориальных музеев, объектов православной, гражданской, военно-оборонительной архитектуры и др.

Ключевые слова: коммеморация, мемориализация, мемориальное пространство, русское зарубежье, места и среда памяти, история, культура, наследие.

Мемориальное пространство русского зарубежья, определяемое традициями отечественной коммеморативной культуры, представляет значительное мировое явление. Оно формируется местами, образами и институтами памяти, развивается коммеморативными практиками и наполняется разнообразными мемориальными объектами – объектами памяти, составляющими весомую часть историко-культурного наследия России. Мемориальное пространство, укрепляя в общественном сознании зарубежья память о ратных и духовных подвигах России, о значимых событиях ее гражданской истории и крупных культурных достижениях, играет важную роль в репрезентации и актуализации отечественной истории и культуры, в сплочении разбросанных по миру русских диаспор, сохранении их духовной и национальной идентичности.

Важную роль в институализации русского мемориального пространства играют зарубежные организации, ведущие работу по сохранению т.н. «культуры памяти», выражающейся в бережном отношении к российскому прошлому, к осмыслению его фактов и событий сквозь призму памятных мест и дат. Русские культурные центры, общества, клубы и т.д. немало сделали для формирования за рубежом русской среды памяти, включающей некрополи, музеи, мемориальные архитектурно-скульптурные сооружения, православные храмы и часовни. Например, только в Болгарии имеется более четырехсот памятников русским государственным, военным и культурным деятелям – Александру II, И.П. Игнатьеву, М.Д. Скобелеву, Н.И. Пирогову, А.С. Пушкину и др. Немало русских памятных мест существует в Италии: Русское подворье в Бари, памятники В.И. Ленину в коммуне Кавриаго провинции Реджо-нель-Эмилии и на острове Капри, монументы русским морякам и адмиралу Ф.Ф. Ушакову в Мессине, памятники Н.В. Гоголю и А.С. Пушкину в Риме, храм Христа Спасителя в Сан-Ремо, вилла Горчакова и памятник М. Горькому в Сорренто, памятник-бюст Николаю II в сицилийском городе Таормина, палаццо Д.П. Бутурлина, памятники Н.Н. Демидову и Ф.М. Достоевскому во Флоренции и др.

Мемориальное пространство русского зарубежья является неотъемлемой частью общего культурного пространства России и русского мира. Как известно, культура каждого народа локализована в том или ином пространстве. Развивая концепцию географического детерминизма, многие ученые и мыслители рассматривали культуру сквозь призму особенностей природных пространств – Аристотель, Страбон, Монтескье, Гердер или русский историк П.Н. Милюков, который, отталкиваясь от латинского *genius loci*, т.е. «гения или духа места», выстраивал свои «Очерки по истории русской культуры» исходя из топографии, «месторазвития» культуры.

Знание особенностей и специфики ареала распространения культуры крайне важно для ее понимания. В настоящее время концептуальные понятия «пространство культуры» и «культурное пространство» активно вошли в научный оборот многих современных социо-гуманитарных исследований. Фундаментально связанные с метапонятием культуры, они рассматриваются с точки зрения времени, географического, социального, этнотерриториального и этнолингвистического пространств, характер и своеобразие которых определяется теми или иными типами культур, системами ценностей, норм, смыслов и социальных практик. Ю.М. Лотман писал: «Традиционное изучение представляет себе культуру как некое упорядоченное пространство. Реальная картина гораздо сложнее и беспорядочнее» [1, с. 208]. Это хорошо видно на примере культуры русского зарубежья и в целом русского мира с ее экстерриториальностью, разнообразием материальной и духовной деятельности, множественностью культурных образов и форм, которые вместе с тем объединяет общее культурное ядро (код), сформированное русским языком, русской верой, русскими традициями и русской средой памяти.

Сохранение памяти о прошлом, увековечение значимых в истории и культуре фактов, событий и их участников определяет главное назначение коммеморативной деятельности и основную функцию объектов мемориальной культуры. Места и объекты русской памяти, посвященные ключевым событиям отечественной истории и культуры, ее героям и выдающимся деятелям, находятся во многих странах и образуют практически безграничное мемориальное пространство зарубежной России. Память о русском присутствии в мире хранят иностранные архивы, библиотеки, художественные галереи, музеи, музейно-исторические парки и комплексы, воинские мемориалы, архитектурные здания и сооружения, памятники монументального искусства, некрополи. Отдельную группу историко-культурных объектов русского мемориального пространства за рубежом составляют мемориальные доски, барельефы, кресты, памятные знаки и топонимика.

Наиболее яркими и заметными объектами мемориального пространства зарубежной России являются памятники монументального искусства, возведенные с целью увековечивания выдающихся деятелей и ключевых событий русской истории, начиная с монумента варяжским князьям Рюрику, Игорю и Олегу в шведском портовом городе Норрчёпинг и заканчивая памятниками первому космонавту на Земле Ю.А. Гагарину, которые установлены в более чем шестидесяти странах мира. В 1988 г. в связи с празднованием тысячелетия крещения Руси славянскими диаспорами были возведены памятники великому князю Владимиру Святославичу: в Буэнос-Айресе, Брисбене, Лондоне, Торонто и других городах. Немало монументов в мире установлено в честь русских царей: Петра Великого в Бельгии, Великобритании, Латвии, Нидерландах, Чехии; Петра III и Екатерины Великой в Германии; Александра II в Болгарии, Германии, Финляндии; Николая II в Италии, Сербии и Республике Сербской (в составе Боснии и Герцеговины); императрицы Александры Федоровны (супруги Николая I) в Финляндии и Франции. Увековечена память и первого советского руководителя, вождя мирового пролетариата В. И. Ленина, монументы, статуи, бюсты которого можно увидеть в Великобритании, Венгрии, Вьетнаме, Германии, Дании, Зимбабве, Индии, Италии, Испании, Канаде, Кубе, Монголии, Румынии, США, Финляндии, Франции и Швейцарии.

Отдельную группу монументальной скульптуры составляют памятники дипломатам России: графу Н.П. Игнатьеву и князю А.Н. Церетелеву в Болгарии, Н.Н. Демидову в Италии, А.С. Грибоедову в Иране, сотрудникам Генконсульства СССР в Китае, графу С.Л. Рагузинскому-Владиславичу в Сербии и Черногории, А. Г. Карлову в Турции, И.А. Гошкевичу в Японии. Ряд памятников русского зарубежья посвящен религиозным деятелям: миссионеру, основателю Православной церкви в Японии, архиепископу, св. Николаю Японскому (И.Д. Касаткину) в Токио; князю Д.Д. Голицыну у базилики св. Михаила Архангела в американском городе Лоретто; св. Иоанну Шанхайскому и Сан-Францисскому у собора св. Иоанна Крестителя в Вашингтоне; Святейшему патриарху Московскому и всея Руси Алексию II в столице Эстонии Таллинне. К этой же группе можно отнести и памятники русским путешественникам, например, Афанасию Никитину в Индии и «Первопроходцам – исследователям Калифорнии» в США на Русском холме Сан-Франциско.

Говорят о России и монументы, возведенные в честь героев русской армии и флота: мореплавателя, вице-адмирала В.М. Головнина в Порт Вилле Республики Вануату и в японском городе Сумото на острове Авадзи; адмирала Е.В. Путятина и фрегата «Диана», на котором он в 1854 г. прибыл в Японию, установленные в Токио и Фудзи; адмирала Ф. Ф. Ушакова в Болгарии, Греции, Италии и Франции; адмирала Д.Н. Сенявина в Греции, флотоводцев братьев Орловых в Греции и Франции; генералиссимуса А.В. Суворова в Румынии и Швейцарии, фельдмаршала М.И. Кутузова в Словакии, генерал-фельдмаршала М.Б. Барклая де Толли в Германии, Латвии и Эстонии. Памятники русским

героям Первой мировой войны и Белой армии возведены в Бельгии, Германии, Сербии, США, Турции, Франции, Чехии. Много памятников было установлено в честь Советской армии и советских воинов Второй мировой и Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., самыми величественными из которых являются мемориалы в Берлине, Будапеште, Вене, Люйшуне (Порт-Артуре), Софии, Пхеньяне. Возведены также монументы и мемориальные комплексы в память русских и советских военнопленных в Германии, Китае, Норвегии, Польше, Японии и некоторых других странах.

Помнят в зарубежье и русских деятелей науки и культуры, памятники которым установлены в самых разных частях света, например, этнографу Н.Н. Миклухо-Маклаю в Австралии, Индонезии, Малайзии и Новой Гвинее, этнографу, историку, лингвисту Ю. В. Кнорозову в Мексике, академику архитектуры Н.П. Краснову в Сербии, основоположнику космонавтики К. Э. Циолковскому в Австралии, авиаконструктору И.И. Сикорскому и летчику-испытателю В.П. Чкалову в США. Много памятников посвящено мастерам отечественной литературы и искусства, среди которых больше всего пушкинских монументов. Их можно встретить в Австралии, Австрии, Бангладеш, Бельгии, Болгарии, Боснии и Герцеговине, Венгрии, Германии, Греции, Египте, Испании, Италии, Канаде, Кипре, Китае, Кубе, Латвии, Литве, Македонии, Мексике, Молдавии, Непале, Никарагуа, Норвегии, Панаме, Польше, Румынии, Сербии, Словакии, Словении, США, Турции, на Филиппинах, в Финляндии, Франции, Черногории, Чили, Эритрее, Эстонии, Эфиопии, Южной Корее. Установлены также памятники К.Д. Бальмонту (в Литве), К.П. Брюллову (в Португалии), И.А. Бунину (во Франции), И.А. Бродскому (в Великобритании), В.С. Высоцкому (в Болгарии), В.М. Гаршину (в Болгарии), М.И. Глинке (в Германии), Н.В. Гоголю (в Италии, Швейцарии), Ф.М. Достоевскому (в Болгарии, Германии, Италии, Франции, Эстонии), С.П. Дягилеву (в Монако и Франции), С.А. Есенину (в Хорватии), М.Ю. Лермонтову (в Китае, Мексике), В.В. Набокову (в Швейцарии), Н.А. Островскому (в Германии, Китае), А.П. Павловой (в Великобритании), Н.К. Рериху, С.Н. Рериху и Е.И. Рерих (в Индии), А.И. Солженицыну (в Эквадоре), И.Ф. Стравинскому (во Франции и Швейцарии), Л.Н. Толстому (в Венгрии, Индии, США, Турции, Уругвае, на Филиппинах, во Франции, Южной Корее), И.С. Тургеневу (в Германии, Франции), Ф.И. Тютчеву (в Германии), М.И. Цветаевой (во Франции), П.И. Чайковскому (в Египте, Люксембурге, Чили), А.П. Чехову (в Германии, Франции, Шри-Ланке, Японии).

Важным мемориальным институтом наряду с памятниками являются музеи, играющие в зарубежье особую роль по увековечению исторической памяти о России: «Домик Петра I» в Заандаме, Музей Екатерины II в Цербсте, Музей русской истории в Берлине, Музей А.В. Суворова в Альтдорфе, парк-музей «Шипка» в Болгарии, Музей Кубанского казачьего войска в городе Хауэлл штата Нью-Джерси США и другие. Отдельное место в зарубежном пространстве памяти занимают мемориальные музеи, посвященные русским писателям и художникам, например, «Дача И.С. Тургенева» в Буживале и «Чеховский салон» в Баденвейлере, музеи Марианны Веревкиной в Асконе, Ивана Мясоедова в Вадуде, Леонида Пастернака в Оксфорде, Николая Рериха в Калькутте, Улан-Баторе, Нью-Йорке. Есть в мире и музей, созданный в память русского спортсмена – бейсболиста Виктора Старухина, открытый в японском городе Асахикава префектуры Хоккайдо при местном бейсбольном стадионе, вход в который украшает его бронзовый памятник.

Большую роль в формировании среды и мест памяти зарубежной России играют объекты гражданской и культовой архитектуры, ансамбли православных монастырей, русских усадеб и военно-оборонительного зодчества, памятники жилой, социальной, промышленно-хозяйственной и военной архитектуры. Значительную их часть составляют церковные здания, древнейшими из которых являются основанный в XI–XII вв. монастырь Святого Пантелеимона на Афоне (Россикон) и три православные церкви XIV столетия в Вильнюсе: Пречистенский кафедральный собор, Церковь в честь перенесения мощей святителя Николая Чудотворца и Церковь во имя святой мученицы Параскевы Пятницы. Их долгая история богата событиями и хранит память о многих великих деятелях России. Так, мемориальная доска на фасаде Пятницкой церкви сообщает: «В сей церкви Император Петр Великий в 1705 г. слушал благодарственное молебствие за одержанную победу над войсками Карла XII подарил ей знамя отнятое в той победе у шведов и крестил в ней Африканца Ганнибала деда знаменитого поэта нашего А. С. Пушкина».

Большинство памятников культовой архитектуры русского зарубежья было возведено в XIX–XX вв. сначала знатью и правительством царской России, а потом русской эмиграцией. Православные храмы строились в основном при царских посольствах, русских духовных миссиях и на русских участках иностранных кладбищ. Многие русские церкви в настоящее время признаны историко-культурными памятниками, например, Церковь Святой Мученицы царицы Александры и Святого Праведного Иосифа

Обручника в пригородном поселке Ирём под Будапештом, которая была построена в 1803 г. как придворная императорская церковь-усыпальница великой княгини Александры Павловны, дочери русского императора Павла I и супруги венгерского палатина, эрцгерцога Иосифа Габсбурга; собор Св. Архангела Михаила в городе Ситка на Аляске, возведенный при участии Русско-Американской компании в 1848 г.; кафедральный собор Св. Александра Невского в Париже, первый камень в основание которого был заложен 19 февраля 1859 г., день четвертой годовщины восшествия на престол царя Александра II; храм-памятник Рождества Христова на Шипке, воздвигнутый в 1902 г. в честь участников Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., и Храм-памятник Св. Александра Невского в Софии, построенный в 1912 г. в честь погибших в Русско-турецкую войну солдат и офицеров.

Ряд церковных зданий и архитектурных комплексов русского зарубежья был воздвигнут по проектам и при участии блистательных художников и зодчих России: А.А. и Л.Н. Бенуа, Н.А. Бруни, В.М. Васнецова, Д.С. Стеллецкого, А.В. Щусева и некоторых других, например, построенная в 1903 г. как храм-памятник русско-сербского боевого братства в русско-византийском стиле церковь Пресвятой Троицы в сербском поселке Алексинац, храм-памятник святого Александра Невского в Софии, строительство которого велось в 1882–1912 гг., или храм-памятник святителя Алексия на поле «Битвы народов» в Лейпциге, возведенный в 1913 г. Некоторые русские церкви за границей стоят на православных кладбищах. Так, в центре некрополя парижского пригорода Сент-Женевьев-де-Буа находится церковь Успения Пресвятой Богородицы, построенная в стиле новгородско-псковского православного зодчества по проекту А.А. Бенуа, который был также архитектором Храма-памятника в честь Воскресения Христова, возведенного в 1937 г. по инициативе Союза офицеров Экспедиционного корпуса Русской армии во Франции на кладбище в Сент-Илер-ле-Гран.

Берегут память о России и расположенные за рубежом объекты военно-морского и военно-оборонительного зодчества. Среди них следует отметить русские сооружения таллиннского, в прошлом, ревальского имени Петра Великого порта, включающего минную гавань, мемориал погибшим русским морякам и ангары летной гавани, построенные для гидросамолетов по заказу Николая II в 1916–1917 гг. и в XXI в. превращенные в музей; возведенный в 1804 г. русскими мореплавателями И.Ф. Крузенштерном и Ю.А. Лисянским на гавайском острове Кауаи форт Елизавета, признанный национально-историческим памятником США, так же как и основанное в 1812 г. Российско-Американской компанией поселение–крепость Форт-Росс в Калифорнии, которое в настоящее время является музейно-исторический парком. В Болгарии существует несколько мемориальных военно-исторических комплексов. Это комплекс у мыса Калиакра «Военно-морская слава России», возведенный в честь триумфальной победы адмирала Ушакова над флотом Османской империи в 1791 г., архитектурно-мемориальный комплекс в парке-музее «Шипка» в честь погибших за свободу Болгарии воинов Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., и открытый на месте командного пункта мемориальный комплекс «Защитники Стара-Загоры – 1877 год».

Яркую образность мест памяти русского зарубежья создают объекты гражданской архитектуры – замки, дворцы, дворцово-парковые ансамбли, виллы, усадьбы, русские культурные центры (дома), театры и другие русские постройки. Так, историческим памятником Вены признан дворец графа А.К. Разумовского, построенный в стиле неоклассицизма в 1806 г., в Риме располагается виλλα княгини З.А. Волконской, окруженная садом и парком с аллеями «Воспоминаний (Памяти)» и статуями, которая в настоящее время служит официальной резиденцией британского посла. Интересной достопримечательностью Флоренции является виλλα промышленника, дипломата и мецената Н.Н. Демидова, позднее названная Сан-Донато по данному в 1840 г. его сыну А.Н. Демидову великим герцогом Тосканы княжескому титулу Сан-Донато. В Венеции находится «Русский павильон», построенный в 1914 г. по проекту А.В. Щусева, а в Дрездене памятником архитектуры признан «Дом Путятина» («Putjatinhaus»), возведенный в 1823 г. князем Н.А. Путятиным как школа для местных детей и во второй половине XX в. превращенный в русский культурный центр.

Немало русских вилл с замками, дворцами и дворцово-парковыми ансамблями строилось во Франции, в том числе на Лазурном берегу. Так, украшением Ниццы являются вилла «Монтебелло» князя Гагарина, вилла «Шато дез Оллер» князя Лобанова-Ростовского, вилла «Пальмы» с мраморным дворцом барона Фальц-Фейна, дворец княгини Е. В. Кочубей, вилла «Вальроз» барона фон Дервиза. И хотя сегодня во многих из них располагаются французские учреждения – университет, архив, музей, они продолжают хранить память о России и поражать размахом русской души. Так, на построенной в 1867–1873 гг. по заказу русского промышленника, барона П.Г. фон Дервиза вилле «Вальроз» («Долина роз»), которая в 1991 году получила статус объекта исторического наследия Европы, имеются

большой замок готического стиля, малый дворец, русская деревянная изба, домовый храм, театр, обширный сад и парк с беседками, гротами, фонтанами и скульптурами. Необычным памятником русского присутствия во Франции является бретонский замок Кериоле в Конкарно, принадлежавший во второй половине XIX в. княгине З.И. Нарышкиной-Юсуповой, которая превратила его в «маленькое русское безумство в Бретани» с гербом Нарышкиных на фасаде и развернутой в сторону России скульптурой медведя на крыше.

Исключительное место в мемориальном пространстве зарубежной России занимает некрополь, играющий особую роль в сохранении «русской среды памяти». Захоронения уроженцев России можно встретить во всех частях земного шара – в Европе, Азии, Северной и Южной Америке, Австралии, Африке. Русские кладбища находятся либо под патронатом местных православных церквей и русских диаспор, либо под охраной администраций стран и мест захоронения, либо под защитой правительства Российской Федерации. В число последних входят, например, историко-мемориальные комплексы «Русский некрополь» в Белграде и Софии [3], «Мемориал в память россиян» в турецком городе Гелиболу [2], русский сектор французского кладбища Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем [4].

Основной массив русских захоронений в мире относится к XIX–XX вв., эпохе войн, революций, добровольной и вынужденной эмиграции. Сохранившиеся могилы более раннего времени связаны главным образом с военно-морскими экспедициями России, например, на Алеутские острова и Японский архипелаг, а также военными конфликтами: русско-шведскими и русско-турецкими войнами XVIII в., Швейцарским походом Суворова 1799 г. и др. Этим объясняется возведение на многих кладбищах зарубежной России военно-исторических мемориалов. Например, в Берлине на кладбище Тегель находится мемориал «Верным сынам великой России» – воинам Императорской и Белой армий, а также три советских воинских мемориала в Трептов-парке, Тиргартене и парке Шёнхольцер Хайде. Два отечественных мемориала имеется на Центральном кладбище Вены: на православном участке с обелиском в память русских участников Первой мировой войны и советский мемориальный комплекс в честь павших при освобождении Вены советских солдат и офицеров Второй мировой войны. Там же в Вене на Шварценбергплац возвышается еще один советский мемориальный комплекс с величественным монументом Героям Красной армии. Нельзя не сказать и о военно-морском мемориальном комплексе в греческом порту Пирей, который располагается на «Русском кладбище имени Королевы эллинов Ольги». Еще в 1884 г. там по инициативе греческой королевы Ольги (внучки императора России Николая I) и русского императора Александра III был установлен памятник «Русским Морякам от Земляков», к которому в 1961 г. Союзом русских эмигрантов была добавлена мраморная стела «В Память казакам и их Вождям за Веру и Отечество на поле брани убиенным и в зарубежье скончавшимся с 1914 года», а в 1986 г. возведена новая небольшая церковь Святой равноапостольной княгини Ольги как храм-памятник всем похороненным в Пирее россиянам.

Вместе с тем, память о многих уроженцах России, прославлявших ее, отстаивавших ее интересы в мире, оказалась стертой временем и судьбой. Например, упоминавшееся выше «Русское кладбище имени Королевы эллинов Ольги» в Пирее, которое по решению греческих властей в 1970 г. было урезано с шестисот до двадцати могил. Лишь благодаря русской диаспоре удалось спасти от полного уничтожения около ста могильных плит и обломков надгробий, которые были размещены на фасаде кладбищенской церкви Св. княгини Ольги, а в ее подклете сложены уцелевшие останки из вскрытых могил. Или забытый в России летчик Н.Е. Попов, который после самоубийства накануне 1930 г. был похоронен в Каннах в общей могиле для нищих бродяг. Память о нем сберег местный аэроклуб, установивший рядом с могилой небольшую мемориальную доску со словами: «Пилоту-авиатору, первым достигшему по воздуху Леринских островов в апреле 1910».

В общей сложности, мемориальное пространство русского зарубежья простирается на пять континентов и включает самые разные объекты мемориальной культуры – от памятников и некрополей до православных храмов и часовен. Многогранный характер отечественной коммеморации позволил сформировать за рубежом обширную среду памяти, которая играет важную роль как в репрезентации и актуализации истории и культуры России, так и в сплочении разбросанных по миру русских диаспор, сохранении их духовной и национальной идентичности.

Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания ФГБНИУ «Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачева» по теме «Русское мемориальное пространство в мире: памятные доски, знаки, топонимика». Рег. № НИОКТР 124012800521-2.

ПРИМЕЧАНИЯ

- [1] *Лотман, Ю. М.* Культура и взрыв. – Москва : Гнозис; Прогресс, 1992. – 272 с.
- [2] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 11 ноября 2010 г. № 1948-р г. Москва // Собрание законодательства РФ, 03.09.2010, N 47, ст. 6164.
- [3] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28 августа 2012 г. № 1551-р г. Москва // Собрание законодательства РФ, 03.09.2012, N 36, ст. 4966.
- [4] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 июля 2016 г. № 1493-р О внесении в перечень находящихся за рубежом мест погребения, имеющих для России историко-мемориальное значение русского сектора городского кладбища города Сент-Женевьев-де-Буа (Франция) // Собрание законодательства РФ, 2010, № 47, ст. 6164; 2012, N 36, ст. 4966.

THE MEMORIAL SPACE OF THE RUSSIAN DIASPORA AS A PHENOMENON OF NATIONAL AND WORLD CULTURE

Parkhomenko Tatiana Alexandrovna

D. in History, Head of the Department of Cultural Studies,
Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage (Moscow)

Abstract. *The article analyzes the memorial space of the Russian diaspora as a part of the common cultural space of Russia and the Russian world. The focus of the study is memorial culture - the culture of memory, which is considered on a variety of empirical material from Russian memorial sites existing abroad: necropolises, war memorials, monuments of monumental art, memorial museums, objects of Orthodox, civil, military-defensive architecture, etc.*

Key words: *commemorate, memorialize, memorial space, Russian abroad, places and memory environment, history, culture, Heritage.*

© Пархоменко Т..А., текст, 2024
Статья поступила в редакцию 10.06.2024.

Ссылка на статью:

Пархоменко, Т. А. Мемориальное пространство русского зарубежья как феномен отечественной и мировой культуры. – DOI 10.34685/HI.2024.34.32.028. – Текст: электронный // Культурологический журнал. – 2024. – № 3. – С. 35-40. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/665.html&j_id=61.

**ОРГАНИЗАЦИОННО-АТРИБУТИВНЫЙ ФАКТОР
ВОИНСКОГО ВОСПИТАНИЯ В РУССКОЙ АРМИИ
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX В.**

DOI 10.34685/NI.2024.36.76.030

Яндиев Беслан Магомедович

адъюнкт кафедры истории
Военного университета имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации (Москва)

Аннотация. *Статья посвящена рассмотрению атрибутов и организационных форм воинской службы, таких как традиции, ритуалы, священные символы воинской службы (военная присяга, знамя и мундир полка) в русской армии первой половины XIX в. Подчеркивается, что организационно-атрибутивный фактор можно определить как элемент войскового режима, совокупность взаимосвязанных и взаимозависимых атрибутов воинской службы и организационных форм их реализации в войсковой практике, которые наиболее эффективно воздействовали на сознание и поведение офицеров и нижних чинов. Делается вывод о том, что в реальной войсковой практике они представляют собой сложную систему, все элементы которой были тесно связаны между собой и взаимозависимы.*

Ключевые слова: *русская армия, атрибуты военной службы, воинское воспитание, традиции, ритуалы, офицеры, нижние чины, военная присяга, знамя полка, мундир.*

Анализ архивных источников и документов исследуемого периода показывает, что на государственном и военном уровне осознавалось, что к высшим побуждениям (побудительным мотивам) военной службы в русской армии относились: во-первых, государственный патриотизм как любовь к Отечеству и Государю, чувство долга за защиту государства российского от врагов «внешних» и «внутренних»; во-вторых, религиозность как покорность военного своей судьбе и отсутствие страха смерти; в-третьих, чувство чести, честолюбие и славолубие как любовь к славе и уважение к званию; в-четвертых, чувство воинского братства и товарищества, нашедшее отражение в стремлении к взаимопомощи и взаимной выручке в сложных условиях повседневной воинской службы, а в бою – в руководстве суворовским принципом «сам прогибай, а товарища выручай».

Они нашли свое выражение в государственной идеологии «Православие, самодержавие, народность», а также в постулатах воинской нравственности, выступавшими как правила, определявшие поведение человека в обществе. При этом нравственность военного человека в большей степени определялась двумя важнейшими компонентами: воинской честью и верностью армейским традициям [1].

Под организационно-атрибутивным фактором автор подразумевает такие атрибуты и организационные формы военной службы, как традиции, ритуалы, священные символы воинской службы (военная присяга, знамя и мундир полка), офицерские собрания, суды чести и др. [2] Организационно-атрибутивный фактор можно определить как элемент войскового режима, совокупность взаимосвязанных и взаимозависимых атрибутов воинской службы и организационных форм их реализации в войсковой практике, которые наиболее эффективно воздействовали на сознание и поведение офицеров и нижних чинов.

В реальной войсковой практике они представляют собой сложную систему, все элементы которой тесно связаны между собой и взаимозависимы. Например, традиции, а также некоторые другие атрибуты воинской службы часто реализуются в виде ритуалов. С другой стороны, ритуал может осуществляться вполне самостоятельно и представлять собой традицию. Некоторые атрибуты и организационные формы военной службы, призванные способствовать воинскому воспитанию военнослужащих, могут заключать в себе одновременно и традицию, и ритуал, и обряд, и церемониал, и поощрение, и присягу и т.д.

К числу известных **ритуалов**, распространенных в русской армии, можно отнести такие, как «Строевой смотр», «Развод и смена караула», «Отдание воинской чести», «Утренняя и вечерняя заря», «Исполнение молитвы», «Принятие присяги», «Парад», «Церковный парад», воинские ритуалы, проводимые при поощрении и наказании военнослужащих и частей, а также различные церемонии и обряды, связанные с отдаванием воинских почестей при погребении военнослужащих [3].

Одно из важнейших мест в этой системе в первой половине XIX в. занимали **воинские традиции**. Традиции мы воспринимаем как исторически сложившиеся (устойчивые) и передаваемые из поколения в поколение обычаи, нормы поведения, взгляды; предания о боевых подвигах и победах армии (частей); все существенное, сохраняющееся из поколения в поколение; духовную связь с прошлым; остатки духа и характера собственных предков. Традиция состоит из обычаев, взглядов, способа рассуждать и действовать, перенятого из времен славных подвигов собственных предков [4, с. 394].

Регулярная русская армия к первой половине XIX в. была сильна боевыми традициями, которые были заложены в процессе ее создания, становления и успешных боевых действий под руководством императора Петра I, развития всех отделов военного дела, русского военного искусства, легендарных побед (в т.ч. над французской и прусской армиями) на полях сражений русских «чудо-богатырей» под командованием великих полководцев и военачальников второй половины XVIII в. П.А. Румянцева, А.В. Суворова, М.И. Кутузова, флотоводцев Ф.Ф. Ушакова и Д. Сенявина и др. Русская армия к концу XVIII в. была сильнейшей армией на европейском континенте и не «одна пушка в Европе» не могла выстрелить без ее согласия. Воинский дух в армии был крепок, а сами полководцы умели использовать нравственный элемент для достижения победы на полях сражений.

В череде общеармейских традиций, несомненно, важную роль играли *полковые традиции*. Именно в полках, батальонах, ротах воспитывался боевой солдат и офицер. Подчеркивая значение полковых традиций, генерал П.Н. Краснов писал: «Это неписанный устав части, это никем не утвержденное дополнение к форменной одежде, являющееся духовным мостом к славному подвигу дедов, к былой походно-боевой жизни, к торжественному сиянию прошлого. Это то, что возвышает душу человека и в решительный смертельный час помогает ему победить страх смерти» [5, с. 135].

Именно в полковом звене, где собственно и пребывал личный состав практически всю свою службу, многочисленные традиции, запечатленные в памяти старожил, в полковой документации, в полковых историях, в разных других формах передавались из поколения в поколение, оказывая наиболее сильное влияние на сознание и поведение военнослужащих. Как писал один из офицеров, «разнообразие боевых традиций поселяет в войсках благородное соревнование. Оно даёт известный оттенок и индивидуальность духу части» [6].

Полковая семья (в отличие от «воинского коллектива» в современной воинской части) объединяла своих членов не только единой целью обеспечения высокого уровня боеготовности, но и общностью быта, моральной ответственностью за сохранение доброго имени полка, приоритетом корпоративных интересов над личными. Основной принцип военного служения во всей армии – «За Веру, Царя и Отечество» на полковом уровне трансформировался в принципы – «За честь полка, за Отечество», «Честь полка – моя честь, слава полка – моя слава» и т.д. Внешняя форма таких семейных полковых отношений проявлялась (и сегодня зачастую проявляется), казалось бы, в неуставных обращениях и кличках – «отец», «батьа», «братец», «сынок», «дядя» и т.п.

Главную роль в полковом семействе играл командир полка – «слуга царю, отец солдату». От личного примера и поведенческих предпочтений полкового командира во многом зависела морально-нравственная атмосфера в воинской части. Как показало исследование, петровские заветы командирам в отношении подчиненных, такие как «отчески содержать», «офицеры суть солдатам яко отцы детям», отмеченные в Артикуле воинском, сохранили свою актуальность и первой половине XIX в., особенно в период наполеоновских войн.

Полковые истории оставили нам и свидетельства о положительном отношении подчиненных к своим полковым командирам, обладавшим умением сочетать жесткую требовательность к подчиненным офицерам и нижним чинам с уважением к ним. К примеру, в истории лейб-гвардии Гродненского гусарского полка было записано, что его первый командир полковник К.Г. Штрандтман, будучи

чрезвычайно требовательным и строгим на службе, «вместе с этими качествами соединял необыкновенно сердечное отношение к своим подчиненным, горячая любовь к которым не уменьшилась и по оставлении им Гродненского полка» [7, с. 28]. Аналогичные характеристики полковых историков заслужили многие командиры других полков и воинских формирований.

Важной формой организации отдыха, досуга и товарищеского общения офицерского состава полка являлось офицерское собрание. История офицерских собраний насчитывает несколько веков. Прообразом офицерских собраний русской армии некоторые авторы считают проводимые с 1718 г. петербургские ассамблеи – дворянские собрания, которые в конце XVIII в. преобразовались в сборы офицеров для проведения вечернего времени. Во второй половине XVIII в. начали появляться общества, объединявшие офицеров отдельной воинской части (гарнизона) в виде клубов. Одним из первых таких клубов в 1779 г. стал клуб штаб- и обер-офицеров Новгородского пехотного полка в Тихвине [8].

Регламентировалась деятельность собраний доморощенными уставами и положениями. Председателями собраний являлись командиры воинских частей. Офицерское собрание содействовало поддержанию товарищеских отношений между офицерами, развитию общего и военного кругозора, патриотическому воспитанию, обмену новостями, развлечению в свободное время. К середине XIX в. военные собрания функционировали на основании своих уставов либо правил уже во многих частях. Но только в 1884 г. было утверждено «Положение об офицерских собраниях в отдельных частях войск» [9, с. 612-615].

В процессе жизнедеятельности полков, ставших для большинства его членов «малой родиной», важным стимулом, способствующим качественному выполнению задач, стала корпоративная полковая солидарность, *стремление членов полкового коллектива к сохранению полковых традиций*, полковой идентичности, того особенного, что отличает свой полк от других. Возникновение явления полкового патриотизма было осмыслено писателем 1860-х гг. генерал-майором Р.А. Фадеевым. «Для качества полка чрезвычайно важно, чтоб он составлял нечто вроде маленькой национальности, – писал он. – Надобно, чтобы все чины считали свой полк первым в свете, свято хранили его предания, готовы были идти на ножи со всяким чужим за его славу <...> [, что возможно] лишь тогда, когда *полк имеет личность...*, надобно непременно, чтобы полк имел свой *нравственный оттенок, свою оригинальность, свои обычаи*» [10, с. 113].

Так, собственно, и было. Каждый полк, как человек, имел свою личность, свой собственный характер. Это можно увидеть, к примеру, анализируя особенности военной службы в Отдельном Кавказском корпусе (ОКК), специфика условий боевой деятельности которого накладывала отпечаток на характер воинской службы в целом и воинского воспитания в частности.

В ОКК привились боевые традиции, которые существенно отличались от традиций в других частях русской армии, где в рамках насаждаемой в этот период сверху военной политики предпочтение отдавалось муштре и регламентации военной службы. Носителем этих традиций являлся герой Отечественной войны 1812 г. генерал от инфантерии А.П. Ермолов, военачальник волевой и решительный, пользовавшийся огромным авторитетом среди личного состава, уважительно относившийся к нижним чинам.

Моральная атмосфера в ОКК отличалась от обстановки в других воинских формированиях России. Для нее были характерны такие черты, как необычайно развитое чувство товарищества, простота в общении между начальниками и подчиненными, теплые отношения между офицерами и солдатами, первостепенное внимание реальному уровню боеспособности и морального духа войск, а не показным муштре, стройности рядов и следовании всем правилам содержания формы одежды.

Посетивший ОКК будущий военный министр и организатор военных реформ второй половины XIX в. Д.А. Милютин позднее записал следующие слова: «Нас, гвардейских офицеров, с первого взгляда поражали в кавказских войсках видимая распушенность, неряшливость в одежде, даже казавшееся отсутствием дисциплины и точного отправления службы. Но вместе с тем не могли мы не подметить во взгляде каждого солдата какой-то отваги и самоуверенности, чего-то особого, отличавшего эти войска от всех других. Видимо, это были войска боевые, а не парадные» [11, с. 202].

Важнейшим средством сохранения и передачи по наследству от одного поколения членов полковой семьи другому полковой памяти, особой индивидуальности – «личности» полка и его славных традиций являлись *полковые истории*. Иными словами, истории воинских частей уже тогда являлись важным подспорьем при организации воинского воспитания. Благодаря сохранению исторической полковой памяти молодые офицеры и нижние чины, попавшие недавно в полковую среду, могли проникнуться боевыми традициями полка, ознакомиться с подвигами предшественников.

На воспитательное значение истории воинских частей было обращено внимание графом С.Р. Воронцовым – автором инструкции ротным командирам. Документ предписывал: «... внушать солдатам любовь и привязанность к полку, в котором он служит, а как честь, заслуженную полком, каждый старается переносить и на себя, что вполне справедливо в некоторых случаях, то необходимо поддерживать и умножать подобные мнения, объясняя всякому полковую историю...» [12, с. 34]

В то время главным источником передачи полковых традиций, отражавших лучшие боевые достижения части, передавались из поколения в поколение автоматически, на основе устных рассказов ветеранов, «дядек». Солдат за годы своей длительной службы без целенаправленных усилий со стороны командования впитывал полковые предания, представления о воинской чести, о неписаных законах священного воинского братства. Проникновение в сознание военнослужащих боевых традиций происходило также через систему ритуалов, полковых праздников, воинской атрибутики и т.д.

Первой полковой историей, хотя и не большого по объему содержания, считается статья 1811 г. А.А. Писарева о лейб-гвардейском Семеновском полку в «Военном журнале» № 13, впоследствии переизданная брошюрой в 1911 г. В 1816 г. под руководством графа А.А. Аракчеева полковая история впервые была издана отдельной книгой. Она была посвящена истории гренадерского полка, в котором фельдмаршал был шефом, и называлась «Краткое начертание истории гренадерского графа Аракчеева полка с 1808 по 1815 гг.». В качестве приложений к ней были представлены биографии офицеров, погибших в военных кампаниях 1812-14 гг., список нижних чинов, выдержавших трудные более чем двухгодичные труднейшие испытания войны с Наполеоном без ран и болезней и пришедших к месту постоянной дислокации в полном здравии, список штаб и обер-офицеров, выступивших в поход в 1812 г., их первоначальные и последующие чины, перемещения по службе [13].

В дальнейшем стремление командования полков увековечить подвиги офицеров и нижних чинов, результаты участия в наполеоновских и последующих войнах переросло в более активное издание полковых историй. До середины XIX в. практически все гвардейские полки и некоторые армейские полки имели свои рукописные полковые истории.

Важной войсковой традицией, призванной способствовать укреплению боевого духа войск, а равно сплочению офицеров и солдат в единую полковую семью, воспитанию в них чувства гордости, сопричастности к приумножению славы русской армии и полковых военных достижений, являлось проведение *военных, в том числе полковых праздников*. В русской армии, как государственной структуре, отмечали не только чисто военные праздники, но и государственные. Специфика празднования в армии заключалась в том, что все праздники, а особенно военные, в этот период были тесно связаны с православной традицией.

В систему праздников, которые в том или ином виде отмечались в русской армии первой половины XIX в., входили следующие.

Во-первых, праздники, признанные обязательными государственными торжественными днями, в том числе «Царские дни», которые со времен Петра I были внесены в список официальных праздников.

Во-вторых, религиозные праздники. В русской армии праздновались Великие двенадцатые (отражающие события, связанные с земной жизнью Господа Иисуса Христа и прославлением Божьей Матери) и некоторые недвенадцатые праздники, а также праздники в честь некоторых главных святых икон и святых личностей, многие из которых традиционно считались покровителями воинства. 29 августа поминали всех русских воинов, на поле брани убиенных. Праздниками считались дни возведенных в сан святых Георгия Победоносца (23 апреля и 26 ноября), Сергия Радонежского (5 июля

и 25 сентября), Владимира Великого, крестителя Руси (15 июля), Александра Невского (30 августа), Архистратига Михаила (19 сентября и 8 ноября), Андрея Первозванного (30 ноября), Ильи Муромца (19 декабря) и т.д.

В-третьих, викториальные (победные) праздники, установленные РПЦ по инициативе Петра I. В исследуемый период в войсках отмечались следующие памятные даты: Полтавская победа (в 1709), победа при мысе Гангут (1714), взятие Нарвы (1704), заключение Ништадтского мира (1721), победа при Лесной (1708), взятие Нотебурга (1702), победа над турецким флотом в Чесменском сражении (1770), заключение Кучук-Кайнарджийского мира с Турцией (1774), победа при Гросс-Егерсдорфе над пруссаками в Семилетней войне (1757).

В-четвертых, орденские праздники (кавалерские дни, орденские дни) отмечались в честь орденов Российской империи. К этому было утверждено 6 орденов. Наиболее торжественным у военных был праздник в честь Ордена Святого Георгия (26 ноября). В отличие от других праздников кавалерские дни имели частное значение и праздновались только в кругу лиц, имеющих отношение к ордену.

В-пятых, полковые, батальонные, ротные праздники. Как правило, подобные торжества совмещались с празднованием церковью главнейших религиозных праздников или дней святого, который считался небесным покровителем воинской части. Кроме того, полковые праздничные дни часто были привязаны к боевым традициям полка – полковым юбилеям, эпизодам войн и сражений, чествованию знаменитых полководцев, начальников и шефов.

Исследуя содержание проводимых с участием русской армии праздников разного уровня, можно заметить, что проведение праздника включало в себя реализацию трех элементов – религиозного, собственно военного и развлекательного, к проведению которых всегда подходили творчески, с учетом традиций конкретных воинских частей.

Религиозные обряды сопровождали практически все военные праздники. В праздничные дни офицеры и солдаты присутствовали на торжественных литургиях в военных церквях или городских храмах. Также и в воинских частях в эти дни проводились молебны. На молебнах, как правило, военные священники обращались к офицерам и солдатам с проповедями, в которых звучали слова о преданности Престолу и Отечеству, о святости воинского долга, поминались воины, отдавшие жизнь за Родину.

В наиболее значимые православные и полковые праздники устраивались *церковные парады* – это специфическая, характерная только для армии, форма коллективной молитвы, сопровождавшаяся церемониальным маршем [14]. Порядок проведения церковных парадов, как правило, состоял из трех основных частей: построения, торжественного молебна и прохождения церемониальным маршем.

Полковой церковный парад проводился, как правило, на площади вблизи полковой церкви или городского храма. В храмовый праздник части на парад выносились принадлежавшие ей знамена и штандарты. После построения, под звуки военного оркестра командующий парадом встречал старшего начальника, принимавшего парад, отдавал честь, рапортовал, подавал строевую записку. Офицеры также отдавали честь, а начальник обходил войска. После этого звучала команда «на молитву». После молитвы, войска проходили перед начальником церемониальным маршем, по окончании которого шли к церкви и выстраивались перед ней. По окончании построения, по приказу командующего парадом офицеры и нижние чины входили в церковь и присутствовали на богослужении.

После богослужения войска выходили из церкви, строились и, согласно приказу, либо уходили в место своего расположения, либо снова проходили церемониальным маршем мимо начальника и тогда расходились по казармам.

С особой торжественностью проводился в войсках церковный парад 6 января, в день Богоявления (Крещения) Господня. пышные торжества устраивались в войсках и на Пасху. С особой торжественностью в этот день проводились богослужения и церковные парады. Солдаты и офицеры христосовались, обменивались пасхальными подарками. Офицеры регулярно перед Пасхой собирали пожертвования для солдат, чтобы приобрести подарки и угощение. На Рождество в казармах и

офицерских собраниях обычно ставилась рождественская елка. В этот день устраивались не только торжественные службы в военных церквях и церковные парады, но и подарки для солдат [15].

Военную составляющую войсковых праздников составлял *парад* – торжественный смотр войск, проводимый в дни официальных праздников, торжеств в ознаменование важных событий государственного и военного значения. Сначала происходило построение войск на военном плацу или центральной городской площади. Затем под звуки военного оркестра, играющего полковой марш, командир воинского подразделения, выведенного на парад, встречал старшего начальника, принимавшего парад, отдавал честь, рапортовал, подавал строевую записку. Офицеры также отдавали честь, а затем начальник обходил войска, при этом объявляя им благодарность за службу. Если парад принимал сам император, то при обходе им войск полковыми музыкантами игрался гимн. До 1830 г. это был марш «Гром победы, раздавайся!», а затем с 1834 г. – гимн «Боже, Царя храни!». Затем войска проходили церемониальным маршем, сопровождаемым музыкой полкового оркестра.

Парад имел большое воспитательное значение для его участников, способствовал развитию чувства сплоченности, военной солидарности, братства, взаимопонимания и взаимовыручки, гордости. Генерал П.Д. Ольховский отмечал: «Люди, представляя монолитную массу, послушную знаку или команде ротного командира, незаметно, но несомненно, проникаются принадлежностью к целому послушанием и дисциплиной. Колонна выражает товарищество, взаимную поддержку, выручку, мощь...» [16, с. 203]

Развлекательная, неформальная часть военных праздников проводилась после официальных религиозных церемоний и военных парадов. Офицерские собрания и казармы украшались в этот день флагами, щитами, вензелями, арматурой. В офицерских собраниях обычно устраивалось богатое застолье с изысканными блюдами и обильной выпивкой, произносились праздничные тосты и речи, звучали воспоминания ветеранов, зачитывались поздравительные телеграммы, проводились фейерверки. Не обходились застолья без музыки полковых оркестров, военных и народных песен, которые с удовольствием исполнялись офицерами.

В обязательном порядке игры и развлечения устраивались и для солдат. В казармах для них накрывался большой стол с угощением и традиционной чаркой водки. Старшие начальники посещали казармы, поздравляли солдат с праздником, выпивали с ними по чарке водки. Также для нижних чинов устраивались разнообразные игры и состязания: бег в мешках, лазание по намыленному столбу, на котором был привязан приз в виде сапог, гармошки или часов.

Наиболее неформальными и любимыми для войск были *полковые (батальонные, ротные) праздники*. Полковые праздники традиционно сопровождалась панихидой и парадом, но большее внимание уделялось неформальной части – общению сослуживцев, общим воспоминаниям, торжественному застолью с многочисленными тостами и песнями, балу. В этот день на праздник собирались не только служившие в части военные, но и бывшие сослуживцы, ветераны.

В подобных праздниках принимали активное участие и жены офицеров – «полковые дамы», которые вместе с мужьями несли на себе тяготы военной службы в провинциальных гарнизонах и считали полк своей семьей. Приглашались на полковые праздники и представители городской общественности, августейшие шефы полков, вышестоящие начальники. К юбилейным датам нередко издавались истории полков, памятные книжки о боевом пути и подвигах служивших в части солдат и офицеров [17, с. 154-158].

Торжественные парады проводились, как правило, в присутствии высокого военного руководства, членов царской фамилии. В начале XIX в. стало традицией проводить парады гвардейских полков в Петербурге несколько раз в год. Зимой они проходили на Дворцовой площади, весной – на Марсовом поле, а летом – в Красном селе. Четко установленных дат проведения строевых парадов не предусматривалось. В основном время их проведения определялось монархом или военным ведомством [18, с. 9].

В русской армии первой половины XIX в. с подачи императоров парад рассматривался не только как элемент реализации традиций и атрибутов воинской службы, но и имел самостоятельное значение. В этом качестве он выполнял функцию представительства власти. Парад декларировал силу и власть

монарха, являл торжество самодержавия, способствовал единению армии с ее верховным вождем, актуализировал в каждом участнике и зрителе патриотические чувства [19, л. 24-28].

В целом, говоря о роли парадов в воинском воспитании в первой половине XIX в., можно отметить, что излишняя увлеченность ими во многом стал мешать обучению армии: стройность шеренг и колонн не могла заменить основной принцип боевой подготовки – учить тому, что необходимо на войне. В тоже время, нельзя отрицать и того, что парады воспитывали у воинов гордость за славу русского оружия и патриотизм.

В общей системе атрибутов и организационных форм воинского воспитания нельзя обойти священные символы воинской службы: военную присягу, полковое знамя и полковой мундир.

Присяга военная – «торжественное обещание (клятва), даваемое каждым гражданином при вступлении его в ряды вооруженных сил государства», – так трактует понятие присяги военно-энциклопедический словарь [20, с. 589]. Присяга всегда являлась основным документом, определяющим обязанности военнослужащего.

Император Петр Великий воинскую присягу перевёл из обычая в ранг государственного закона. Присяга, утверждённая им, вобрала в себя опыт предыдущих поколений, имела в своей содержательной основе три самых высших ценности воинской службы – Отечество, Государь, Православие.

В первой половине XIX в. содержание военной присяги и ритуал ее проведения в своей основе зиждились на принципах, заложенных первым императором. В назначенный день подразделения строились в установленном порядке, выносились знамена и штандарты, солдаты и офицеры при оружии давали обещание служить добросовестно и «во всем поступать как честному, верному, послушному, храброму солдату надлежит». При этом присягавшие держали левую руку на Евангелии, а правую руку поднимали вверх в крестном знамении (солдаты поднимали только правую руку, при этом повторяли текст присяги вслед за читающим). Факт произнесения присяги обязательно тщательно фиксировался и строго контролировался.

С первой четверти XVIII и до середины XIX в. присяга должна была приноситься генералитетом в Военной коллегии, а офицерами и солдатами – «при полку или роте, при распушенном знамени». По установившейся изначально традиции, которая сохранялась и в первой половине XIX в., право принятия присяги у новобранцев предоставлялось священнику вместе с командиром. Целуя крест и Евангелие, ратник призывал в свидетели Бога и его карающую силу. Психологическое значение этого акта для религиозного человека, безусловно, имело большое значение.

В первой половине XIX в. приведение к присяге офицерами и нижними чинами осуществлялось в соответствии с павловскими установками: «Всех воинских чинов, определяющихся в службу или удостоенных повышения в одной, какого бы чина и звания не были, приводить к присяге всякий раз не иначе как под знаменами, наблюдая при этом, чтобы приводимый к присяге, распростертую вверх руку имея, другой бы держался за знамя» [21, с. 34].

Священным символом полка в исследуемый период являлось **знамя полка, воинская хоругвь**, под которую движимые свои воинским долгом российские воины шли в бой с врагом. Знамя напоминало солдату и офицеру, что он присягал служить Государю и Родине до конца своих дней. В исследуемый период полковому знамени как символу воинской чести уделялось самое пристальное внимание на самом высоком уровне государственного и военного управления.

Это выражалось в стремлении императоров к сохранению и сбережению знамен, а также активному использованию знамен в качестве атрибутов воинских ритуалов, призванных способствовать воинскому воспитанию военнослужащих. К числу таких ритуалов, например, следует отнести: ритуал вручения Боевого Знамени, ритуал приведения к военной присяге, ритуалы размещения знамени в части (вынос и относ знамени, строевой смотр, хранение), ритуалы отдания воинских почестей знамени, ритуалы участия знамени в парадах, торжественных мероприятиях.

В первой половине XIX в. в ритуале принятия присяги статус знамени еще больше повысился. Вместо Евангелия принимавший присягу должен был держаться за знамя [22, с. 176]. В павловском уставе впервые была введена процедура прибавания к древку нового знамени, которая считалась коллективным священнодействием полка, в котором принимали участие все офицеры полка и установленное количество нижних чинов [23, с. 201].

Большое внимание уделялось *сбережению и хранению знамен, даже если последние отслужили свой срок*. Например, в целях улучшения хранения замененных знамен Высочайшим Указом от 21 марта 1803 г. предписывалось «для хранения знамен принимать и по приходу числить Коммисариатского ведомства, при приемах же делать аккуратные описи о всем, что при них имеется, и о повреждениях, какие окажутся, и оные описи доставлять тотчас в Коммисариатскую Экспедицию [24, с. 36]. В развитие данного Указа Высочайшим Указом от 14 января 1835 г. подтверждалось правило «знамена и штандарты, со всеми принадлежностями, сохранять всегда как святыню» [25, с. 43].

В годы Отечественной войны 1812 года продолжал действовать суровый закон военного времени, согласно которого знамя сохранялось за полком на все время его существования и всегда должно было находиться на поле боя, в районе активных боевых действий. Утрата знамени считалась несмываемым позором, влекла за собой расформирование части и строгое наказание офицеров. Русские воины предпочитали умереть под знаменем, нежели лишиться его.

В первой половине XIX в. была продолжена *павловская традиция вручения знамен за боевые заслуги*. Александр I установил более резкое различие между простыми и наградными знаменами, «даруемыми» за боевые заслуги. Практика пожалования знамени при Грамоте получила особое значение при вручении наградных Георгиевских знамен. В этом случае знаменная Грамота еще раз подчеркивала важность самого факта награждения целого воинского коллектива [24, с. 32].

Первый ритуал вручения Георгиевских знамен произошел в 1806 г. Если полевая кавалерия получила новые награды в 1807 г., то полкам гвардейской кавалерии Георгиевские штандарты впервые были «пожалованы» в 1813 г. Стяги «дарованы» Кавалергардскому, Драгунскому, Гусарскому, Уланскому и Лейб-Гвардии Кирасирскому полкам, «ознаменовавшими себя мужеством и храбростью». Ритуал освящения и вручения знамен постоянно совершенствовался. В Своде военных постановлений ритуалам вручения знамен отводилась отдельная глава «Об освящении новых знамен и об отдании старых» [26, с. 45-46].

В результате знамя превращалось в воинскую реликвию, которая предписывала общие модели и практики поведения, разделяемые всей военной корпорацией. Знамя становилось необходимым и сакральным элементом воинской этики. В определенном смысле оно формировало ценностные ориентиры и помогало сохранять традиции, облегчая новичкам процесс интеграции в армейское сообщество. Клятва «следовать за знаменем, где надлежу» делалась ментальным категорическим императивом.

Священным символом и атрибутом полка в исследуемый период являлся так называемый **полковой мундир**, феномен которого нельзя рассматривать только как явление материальной культуры, предмет материально-вещевого обеспечения. Мундир являлся не просто изделием портного: это был «вещественный знак неличностных отношений», многозначный символ, напоминающий о боевой доблести, чести и высоком чувстве воинского товарищества, доходящий у молодых офицеров до щегольства («В мундирах выпушки, погончики, петлички...» [27, с. 45-47])

Мундир военного напоминал об исключительной, ни с чем не сравнимой почетности статуса его носителя. Более того, он давал человеку право на подобный почет, тем самым во многом формируя характер человека, носящего мундир. Воспитательный для военнослужащего эффект, когда мундир уже представлял не вещь, но символом высокой идеи, был очевиден. Форменный костюм играл большую роль для развития духа корпоративности, особого чувства единства тех, кто носил мундир той или иной воинской части. Это был символ ее индивидуальности, который считал каждый за счастье и особую честь носить» [28, с. 415].

Ношение полкового мундира предполагало сопричастность не только к нынешнему составу полка, но и ко всем предыдущим поколениям однополчан, что налагало серьезные нравственные обязательства и

в то же время давало основания гордиться не только личными заслугами, но и заслугами части в целом.

Юный офицер эпохи 1812 г., надевая военную униформу, сразу чувствовал себя включенным в «сообщество героев», что накладывало отпечаток на его поведение в любых обстоятельствах. С восторгом вспоминал об этой незабываемой поре своей службы И.М. Казаков: «Хоть и написано в стихах “нет счастья на земле – оно на небесах”, но это неверно, счастье и блаженство есть – оно в чине прапорщика, в офицерском мундире; надев его, прапорщик не слышит земли под собой, а на гулянье восторг его не знает предела, так как в воображении своем он уверен, что все только на него и глядят» [29, с. 524].

Объективности ради следует отметить, что специалистами военной формы первой половины XIX в. отмечается, что, несмотря на определенные упрощения и улучшения по сравнению с павловской формой, такие как избавление от буклей, длинных кос и париков, с точки зрения функциональности у нее было много недостатков. Знакомая нашему современнику по многочисленным картинам, посвященным военным баталиям 1812 г., новая форма как нельзя лучше подходила для проведения различных парадов и других торжественных церемоний, ее красотой гордились и солдаты, и офицеры. Для боевых же действий и несения службы обмундирование было не совсем удобно из-за многочисленных украшений, за которыми требовался тщательный уход. Дело в том, что все российские императоры получали военное воспитание и образование и во многом их представления о моде формировались под влиянием парадов. С другой стороны, вслед за Павлом I Александр I и Николай I также стремились подражать иностранным армиям, в том числе в изготовлении мундиров.

В качестве положительных признаков военной формы первой половины XIX в. следует назвать ее очень простой покрой: её можно быстро и легко изготовить силами даже не самых профессиональных полковых портных. Недостатки русского мундира в боевых условиях очень часто компенсировались наличием на форме уникальных знаков различия, петлиц и погон, которые имели практически каждый полк, военное училище или кадетский корпус. Они осуществляли связь современности с героическим прошлым, оказывали исключительное влияние на воспитание и сплочение русской армии.

Примером может служить обмундирование Роты дворцовых гренадер. Рота была сформирована в 1827 г. из ветеранов войн с Наполеоном и являлась своего рода живым памятником победам русской армии. Этот статус подчеркивался и внешним видом роты – ее форма, не имея аналогов в предшествующей истории русского военного мундира, во многом напоминала мундиры Старой гвардии Наполеона. В частности, гренадеры роты носили совершенно нехарактерные для русской армии меховые гренадерские шапки [30, с. 19]. В число самых почетных коллективных наград в русской армии входили и те, которые являлись элементами мундира, – знаки «За отличие» на головные уборы и петлицы.

К числу ритуалов, построенных, прежде всего, на моральном поощрении воинского коллектива, можно отнести *ритуалы оглашения приказов о присвоении полкам почетных наименований и переводе их в разряд гвардейских*. Полки гвардии император Александр I считал «первейшими», а гренадерские – «отличными», в сравнении с остальными полками русской армии. Исходя из такого взгляда на значение гвардии и гренадер, он законодательно установил порядок перевода частей в Гвардейский и Гренадерский корпус. В элитные соединения могли быть переведены полки только за боевые заслуги.

В первой половине XIX в. самое широкое распространение получил *ритуал награждения деньгами целых частей*. Он происходил, как правило, в мирное время и являлся основным, прежде всего, для нижних чинов, так как остальные награды, предназначенные для солдат, выдавались в основном в ходе военных кампаний. Ритуал поощрения нижних чинов деньгами, наоборот, носил массовый характер и происходил обычно после удачно проведенного парада, смотра, учения и т.д.

Анализ архивных документов показал, что массовое (от полка и до бригады) награждение деньгами проводилось, прежде всего, монархами и великими князьями. Они же устанавливали размер награды (в основном, от пяти копеек до двух рублей).

Ритуал поощрения деньгами иногда проводился и в военное время. Как свидетельствовала, например, «История Апшеронского полка», в период боевых действий на Кавказе деньги получали персонально

воины, уже имевшие знаки отличия военного ордена. Нередко к награждению деньгами добавлялась чарка водки. Такое дополнение стало традицией в русской армии.

Приведенные выше организационно-атрибутивные факторы воинского воспитания далеко не исчерпывают всю их палитру в русской армии исследуемого периода. Например, к ним следует добавить такие темы, требующие отдельного исследования, как военно-церемониальная музыка как постоянный атрибут воинских ритуалов, роль религиозных обрядов в духовно-нравственном воспитании военнослужащих, коллективные поощрения воинских частей и подразделений как один из факторов сплочения военнослужащих и укрепления традиций и т.д.

Таким образом, в русской армии первой половины XIX в. в условиях отсутствия целенаправленной воспитательной работы, особенно в полковом звене, сложился целый комплекс атрибутов и организационных форм военной службы, представлявших организационно-атрибутивный фактор, которые в совокупности выполняли задачу воинского воспитания. Органы государственного управления в лице императоров Александра I и Николая I, а также органы военного управления в лице командиров и начальников всех степеней постоянно заботились о сохранении и развитии лучших воинских традиций и ритуалов, сакрализации священных символов воинской службы, таких как воинское знамя, воинская присяга, полковой мундир, проявляли заботу о моральном и материальном стимулировании офицеров и нижних чинов, формируя такие необходимые воинские качества, как любовь к Отечеству и Государю, религиозность, воинская честь, честолюбие, воинское братство и товарищество, корпоративность, основанная на боевых полковых традициях и т.д.

Нормы поведения, ценности, устремления, которые формировались внутри российской армии, безусловно, носили корпоративный характер. Несмотря на господство субординации, палочной дисциплины, плац-парадных приоритетов, русская армия продолжала вырабатывать опыт воинского воспитания, во многом опираясь на достижения предшествующего XVIII в., государственную деятельность Петра I, Екатерины II, Павла I. Многие атрибуты воинской службы и организационные формы их реализации своим источником имели достижения русской армии XVIII в. и получили свое развитие в первой половине XIX в.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Яковлева, Л. В. Воспитание нравственности у военнослужащих Российской армии с учетом традиций воспитания офицерских кадров в дореволюционной России // Мир науки: Научный интернет-журнал. – 2013. – Вып. 1. – URL: <http://mir-nauki.com>.
- [2] Российский военный сборник. Вып. 13. – Москва : Воен. ун-т, 1997.
- [3] Минер, В. Л. Церемонии и ритуалы российской армии. – Москва : Авант Статус, 2004.
- [4] Российский военный сборник : [электронное издание]. Вып. 13. – Москва : Воен. ун-т, 1999.
- [5] Краснов, П. Н. Душа Армии. Очерки по военной психологии // Российский военный сборник : [электронное издание]. Вып. 13. – Москва : Воен. ун-т, 1999.
- [6] Полковой историк. Нужна ли нивелировка войсковых частей? // Русский инвалид. – 1912. – № 284.
- [7] Елец, Ю. История лейб-гвардии Гродненского гусарского полка (1824-1896) : в 2 т. Т. 1. – Санкт-Петербург: Тип. В.С.Балашева, 1890.
- [8] Объявления // Санк-Петербургские ведомости. – 1779. – 26 нояб. – С. 1419.
- [9] Военная энциклопедия : в 18 т. Т. 6. – Санкт-Петербург: Тов-во И.Д. Сытина, 1911-1915.
- [10] Фадеев, Р. А. Вооруженные силы России. – Москва : Катков и К°, 1868.
- [11] Милютин, Д. А. Год на Кавказе. 1839-1840 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. – Санкт-Петербург, 2000.
- [12] Воронцов, С. Р. Инструкция ротным командирам, за подписанием полковника графа Воронцова 1774 года // О долге и чести воинской в армии российской / под ред. Н.А. Панкова. – Москва : Воениздат, 2009.
- [13] Княжнин, Б. Я. Краткое начертание истории Гренадерского Графа Аракчеева полка с 1808 по 1815 гг. – Санкт-Петербург: изд. А.А. Аракчеева, 1816.
- [14] РГВИА. Ф. 70. Оп. 1. Д. 734. Л. 8-11.
- [15] РГВИА. Ф. 1450. Оп. 10. Д. 345. Л. 2; Там же. Д. 364. Л. 1.

- [16] *Ольховский, П. Д.* Воинское воспитание // Душа армии. Русская военная эмиграция о морально-психологических основах российской вооруженной силы. – Москва, 1997.
- [17] *Бобровской, П.О.* История Лейб-гвардии Уланского Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полка: в 2 т. Т. 2.– Санкт-Петербург: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1903.
- [18] *Керсновский, А. А.* История русской армии : в 4 т. Т. 2.– Москва : Голос, 1992-1994.
- [19] РГВИА. Ф. 970. Оп. 1. Д. 106.
- [20] Военный энциклопедический словарь. – Москва : Воениздат, 1986.
- [21] Вексиллологический справочник по флагом Российской империи и СССР : в 2 т. Т. 1 / под ред. Соколова В.А. – Москва : МГИУ, 2002.
- [22] Николаев, Н. Г. Исторический очерк о регалиях и знаках отличия русской армии : в 3 т. Т. 2. – Санкт-Петербург: Глав. интенд. упр., 1898–1902.
- [23] Его императорского величества воинский устав о полевой пехотной службе с планами. – Москва : Сенатская тип., 1797.
- [24] Николаев, Н. Г. Исторический очерк о регалиях и знаках отличия русской армии. Т. 3. – Санкт-Петербург, 1902.
- [25] Полное собрание законов Российской империи : Собр. 2-е : в 129 т. – Санкт-Петербург : тип. II отд. его собств. Е.И.В. канцелярии, 1830-1885. Т. 10. № 7759.
- [26] Свод военных постановлений : в 5 ч. Ч. 2. – Санкт-Петербург: тип. II отд. его собств. Е.И.В. канцелярии, 1838.
- [27] *Петренко, П.* «Нет выше чести – носить русский мундир» // Военно-экономический журнал. – 1994. – № 5. – С. 45-47.
- [28] *Дондуков-Корсаков, А. М.* Мои воспоминания. 1845-1846 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX века. – Санкт-Петербург: Изд-во журн. «Звезда», 2000.
- [29] *Казаков, И. М.* Поход во Францию. 1814 г. // Русская старина. – 1908. – Т. 133. – № 3. – С. 522-541.
- [30] *Гринева, С. А.* История Роты дворцовых гренадер. – Санкт-Петербург: тип. Глав. упр. уделов, 1912.

ORGANIZATIONAL-ATRIBUTIVE FACTOR OF MILITARY EDUCATION IN THE RUSSIAN ARMY OF THE FIRST HALF OF THE 19TH CENTURY

Yandiev Beslan Magometovich

Adjunct, Department of History,
Military University named after Prince Alexander Nevsky,
Ministry of Defense of the Russian Federation (Moscow)

Abstract. *The article is devoted to the consideration of the attributes and organizational forms of military service, such as traditions, rituals, sacred symbols of military service (military oath, banner and regimental uniform) in the Russian army of the first half of the 19th century. It is emphasized that the organizational-attributive factor can be defined as an element of the military regime, a set of interrelated and interdependent attributes of military service and organizational forms of their implementation in military practice, which most effectively influenced the consciousness and behavior of officers and lower ranks. It is concluded that in real military practice it represents a complex system, all elements of which were closely interconnected and interdependent.*

Key words: *Russian army, attributes of military service, military education, traditions, rituals, officers, lower ranks, military oath, regimental banner, uniform.*

© Яндиев Б.М., текст, 2024
Статья поступила в редакцию 10.06.2024.
Публикуется в авторской редакции.

Ссылка на статью:

Яндиев, Б. М. Организационно-атрибутивный фактор воинского воспитания в русской армии первой половины XIX в. – DOI 10.34685/ИИ.2024.36.76.030. – Текст: электронный // Культурологический журнал. – 2024. – № 3. – С. 41-52. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/666.html&j_id=61.

**СПЕЦИАЛЬНАЯ ВОЕННАЯ ОПЕРАЦИЯ В РОССИЙСКИХ МУЗЕЯХ:
ОБЗОР ЭКСПОЗИЦИОННО-ВЫСТАВОЧНЫХ ПРОЕКТОВ (2022-2023 ГГ.)**

DOI 10.34685/ИИ.2024.27.78.001

Зотова Татьяна Анатольевна

старший научный сотрудник Российского
научно-исследовательского института
культурного и природного наследия
имени Д.С.Лихачева (Москва)
Email: tzoto@list.ru

Окорков Александр Васильевич

доктор исторических наук, заместитель директора по научной работе
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д.С.Лихачева (Москва)
Email: avokor@yandex.ru

Аннотация. В течение 2022–2023 гг. российскими музеями был подготовлен ряд выставок и экспозиций, рассказывающих о трагедии мирного населения Донбасса, о возрождении нацистской идеологии на Украине и о подвигах героев СВО. Обзор этих актуальных музейных практик, представленный в статье, включает несколько направлений: проекты военно-исторических музеев; выставки, подготовленные в центральных, региональных и местных музеях; выставочные проекты общественных движений и фондов.

Ключевые слова: музей, выставка, военно-исторический музей, музей СВО, выставка СВО.

*И та, что сегодня прощается с милым, –
Пусть боль свою в силу она переплавит.*
Анна Ахматова. Клятва. 1941 г.

Важнейшим институтом национальной культуры выступает музейная деятельность. Наравне с архивами и библиотеками, музеи оберегают культурный ресурс нации и формируют культурные ценности народа. С началом специальной военной операции, ставшей сильнейшим вызовом для современной российской культуры, музейные учреждения страны занимаются сбором и демонстрацией предметов, нарративных, графических и видео материалов, рассказывающих о событиях в Новороссии.

Авангардом музейного фронта выступила межмузейная рабочая группа, созданная Министерством культуры РФ в апреле 2022 г. при поддержке Российского исторического общества. В нее вошли представители ГЦМСИР, ГИМ, ЦМВС, Музея Победы и Музея-заповедника «Сталинградская битва», который стал центром комплектования и учета будущих коллекций, посвященных военным действиям. В течении первого года участники группы собрали и описали порядка 10 тысяч предметов музейного значения, рассказывающих о современном нацизме на территории Украины, о трагедии мирного населения Донбасса и о подвигах героев СВО [1].

Музейная деятельность не ограничивается сбором и хранением вещественных и иных военно-исторических источников. Если фондовая составляющая выполняет задачу расширения предметного богатства культуры, то освоение идей и ценностей, заключенных в этих свидетельствах, обеспечивается *экспозиционной работой*. В этом единстве опредмечивания и распрямечивания реализуются основные социальные функции музея и его сущность как *механизма культурного наследования*.

Музейными учреждениями по «горячим следам» спецоперации был подготовлен ряд выставочных

проектов, посвященных противостоянию в Новороссии. Настоящая статья обращается к обзору этих актуальных музейных практик, способствующих интеграции знаний о современных подвигах, защитниках и мучениках в *национальную культуру России*. Стремясь максимально широко представить эту тему, исследование включает анализ пяти групп проектов. Они выделены на основе классификации музеев по масштабу деятельности (центральные, региональные, местные). Особое внимание уделяется проектам военно-исторических музеев, а также наиболее известным выставкам, организованным общественными движениями, советами и фондами [2].

1. Военно-исторические музеи – о причинах СВО. В подготовке экспозиционно-выставочных проектов, посвященных специальной военной операции, наиболее активную роль сыграли профильные – военно-исторические музеи. Особенностью тематики этих выставок и экспозиций выступает яркая *военно-политическая направленность*, а основу экспонатного ряда составляют военные трофеи.

Некоторым исключением из этого правила является московский Музей Победы, разработавший ряд проектов в поддержку спецоперации и бойцов на фронте. Его коллекции, документирующие период Великой Отечественной войны, определяют приоритетное внимание музея к теме преемственности. Данный вектор обозначился с первой выставки, посвященной событиям в Донбассе, которая стартовала в музее в апреле 2022 г. Это выставка *«Обыкновенный нацизм»*, проводящая параллели между преступной деятельностью ООН и современными ультраправыми организациями Украины. Предметную основу экспозиции составили материалы из фондов Музея Победы, Донецкого республиканского краеведческого музея, Российского государственного архива социально-политической истории, а также специального проекта РИА Новости *«Донбасс. Геноцид 2014–2022»* [3].

Спустя несколько месяцев выставка *«Обыкновенный нацизм»* была представлена в новой редакции в *Музее-заповеднике «Сталинградская битва»* (сентябрь 2022 г., Волгоград). Экспонатный ряд включил свидетельства, привезенные с территории Донбасса членами межмузейной группы. В их числе – вооружение, боеприпасы, медицинские принадлежности военнослужащих США, Великобритании, Болгарии, Польши и др. стран Европы. Проект стал результатом совместной деятельности музеев Победы и Сталинградской битвы [4]. В дальнейшем появилась передвижная версия, которая была показана в разных городах России – Курске, Ростове-на-Дону, Вологде, Уфе, Салехарде и др.

В течение 2022–2023 г. Музей Победы подготовил еще ряд выставочных проектов, обращенных к тематике СВО. Среди них экспозиция *«Заветам Верны»* (декабрь 2022 г.), в центральной инсталляции которой был воспроизведен один из барельефов Мемориального комплекса *«Саур-Могила»*. Напомним, что он был открыт в 1967 г. в память об освобождении Донбасса от нацистских захватчиков, разрушен в ходе боевых действий в 2014 г. и восстановлен в 2022 г. Этот символ преемственности объединил вокруг себя мультимедийный рассказ о современных Героях России – участниках спецоперации и Героях Советского Союза – защитниках Великой Отечественной войны. Партнерами музея выступили Министерство обороны, Военный университет и Федеральная служба войск национальной гвардии [5].

В феврале 2023 г. в Музее Победы открылась стендовая выставка *«Герои Донбасса – Герои Москвы»*, посвященная москвичам – участникам спецоперации. Эта выставка – продолжение многолетнего проекта Единой России *«Память Героев»*, в ходе которого в общественных местах размещаются портреты москвичей, защищавших Родину. Важно отметить, что биографические данные о героях СВО, подготовленные московским комиссариатом, не только вошли в стендовую экспозицию, но и были включены в мультимедийные комплексы проекта *«Заветам Верны»*.

К 83-й годовщине начала Великой Отечественной войны в Музее Победы открылась выставка *«Обыкновенный НАТОцизм»*. Она рассказывает о военных интервенциях НАТО с 1949 по 2022 г., т.е. конфликтах времен Холодной войны, бомбардировках Югославии, Ливии, Сирии, вторжении в Ирак и Афганистан. Выставка стала продолжением экспозиции *«Обыкновенный нацизм»*, экспонатный ряд которой был тоже обновлен к Дню памяти и скорби. Предметную основу этих экспозиций составили артефакты, привезенные с территории Донбасса межмузейной группой: трофейные пусковые установки, форма военных инструкторов НАТО, трофеи боевиков из Мариуполя, тяжелое вооружение и т.д. [6] Были представлены документы, дневники, личные вещи членов националистических батальонов *«Азов»*, *«Айдар»* [7] и др.

Как уже отмечалось, подобный экспонатный ряд характерен и для других выставок и экспозиций, открытых в военно-исторических музеях. Приведем несколько примеров. В уникальном Музее войск противовоздушной обороны в Балашихе (Московская область) в конце декабря 2022 г. открылась *тематическая выставка*, посвященная событиям в Новороссии. Основу этой экспозиции составили предметы, переданные музею из зоны спецоперации командованием Воздушно-космических сил Министерства обороны. В том числе хвостовая и головная часть ракеты РСЗО HIMARS, ракетная часть тактического комплекса «Точка-У», новейший украино-американский ударный дрон, созданный на основе беспилотника «Аист» и др. объекты, уничтоженные российским ПВО. Также в экспонатный ряд вошли материалы, рассказывающие о подвигах военнослужащих войск противовоздушной обороны, получивших звание Героев России в ходе проведения СВО [8].

Об открытии первой *постоянной* музейной экспозиции, посвященной специальной военной операции, в феврале 2023 г. сообщил Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи (Санкт-Петербург). Новая экспозиция «*Только вместе! Только вперед!*» включила мемориальные предметы, представляющие ход спецоперации, а также историю ДНР и ЛНР до их воссоединения с Россией. Среди прочего, посетители увидели флаг с надписью «Донбасская Русь» – один из ста экземпляров, выданных первому составу парламента Донецкой республики. Вошли в экспозицию личные вещи и форма легендарных бойцов и командиров Донбасса; в частности, снайпера народной милиции ДНР А. Куцкого (позывной «Скрипач»). Но значительная часть экспонатов – военные трофеи, добытые в зоне СВО [9].

Одним из наиболее известных событий, связанных с показом трофейной техники, стала *выставка вооружения в Центральном парке «Патриот»* (Московская обл.). Экспозиция комплектовалась с августа 2022 г. и к официальному открытию на Международном форуме «Армия-2023» включила более 870 образцов вооружения украинского военно-промышленного комплекса и стран НАТО. На выставке сформировано несколько тематических зон, рассказывающих о вооружении разных видов и родов войск. Среди них разделы «Средства связи», «Инженерное вооружение», «Колесная техника», «Средства медицинской помощи», «Тыловое обеспечение», «РХБ угрозы», «Беспилотная авиация» и «Ракетно-артиллерийское вооружение». Кроме того, некоторые крупногабаритные экспонаты были представлены на открытой площадке, а в отдельном павильоне создан интерактивный раздел под названием «Альянс обетованный». Он посвящен методам идеологической обработки украинского общества [10].

Следует отметить еще один проект, разработанный Министерством обороны. Речь идет об уникальной *передвижной выставке военных трофеев*, организованной на большом десантном корабле «Иван Грен», стоящем на вооружении Северного флота. С августа по сентябрь 2023 г. в рамках патриотической акции «*Сила в правде*» корабль совершал поход по маршруту Санкт-Петербург – Кронштадт – Балтийск – Архангельск – Кандалякша – Мурманск – Североморск [11]. Остановившись в указанных городах, корабль превращался в плавающий музей, на борту которого жители могли узнать больше об истории ВМФ России, увидеть военные трофеи из зоны СВО, познакомиться с картинами военных художников и т.д.

Отличается среди прочих проект «*Служу России!*», подготовленный Тульским государственным музеем оружия (май 2022 г., январь 2023 г.). Он представляет российскую систему организации сил специального назначения. Партнерами музея выступили Центр специального назначения ФСБ РФ, Силы специальных операций РФ, спецподразделение «Гром» МВД РФ, Отдел специального назначения УФСИН, ОМОН, СОБР, а также более 15 современных российских компаний, занятых разработкой и производством обмундирования, боевого снаряжения и различных аксессуаров к стрелковому оружию. В экспозиции – станковый гранатомет АГС-17, автомат малогабаритный ОЦ-14 «Тисс», крупнокалиберный пулемет «Корд» и элементы снаряжения военнослужащих и специалистов [12].

Также собственный подход реализуется в Центральном музее Вооруженных сил РФ (Москва), где в феврале 2023 г. открылась выставка «*Здесь наша земля, мы не уйдем!*». Проект обращается к ксенофобским, антирусским настроениям, которые прививались украинцам разных возрастов. В витринах представлены детские игрушки, школьные учебники, комиксы, шевроны и плакаты нацбатальонов «Азов» и «Правый сектор». Рассказ о героях спецоперации представлен преимущественно в цифровом формате. Среди предметных экспонатов особо выделяется Орден

Мужества Д. А. Бабарика, младшего сержанта, воспитанника московского детского дома № 39. Внимание привлекает 160-метровая георгиевская лента, провезенная вдоль всей линии боевого соприкосновения и содержащая автографы наших бойцов, добровольцев, Героев России и ветеранов Великой Отечественной войны. Характерно, что экспозицию дополняют живописные работы, выполненные в зоне операции и по результатам командировок – художников Д. А. Ананьева, Е. А. Смирнова (Студия имени М. Б. Грекова) и младшего сержанта Ю. В. Сивачева (Первая фронтовая творческая бригада) [13].

Наконец, в военно-исторических музеях регионов прослеживается особое внимание к персональному наследию. В качестве примера можно назвать выставку, открытую в марте 2023 г. в Музее Черноморского флота (филиал ЦВММ, Севастополь). Проект «*Помним всех поименно...*» рассказывал о севастопольцах, павших смертью храбрых при выполнении боевых заданий в ходе военной операции на Украине [14]. На выставке были представлены фотоматериалы, личные вещи и награды героев города, которые передали в музей родственники.

Сохранению памяти о белгородцах – участниках СВО посвящены выставочные проекты музей-диорамы «Курская битва» и музея-заповедника «Прохоровское Поле», подготовленные к февралю 2023 г. Выставку «*Родина ZOVĕt*» в музее «Курская битва» отличает ретроспективный характер. Экспонаты рассказывают о защитниках Белгородской засечной черты XVII в., воинах Красной армии и современных российских военнослужащих [15]. В экспозиции «*Сила V правде!*» в музее-заповеднике «Прохоровское Поле» особое внимание уделяется бойцам 3-й мотострелковой Висленской дивизии из приграничного города Валуйки, которые первыми ушли «за ленту». Партнером заповедника выступил Донецкий республиканский краеведческий музей, представивший передвижную выставку «*Слезы Донбасса*» [16].

2. Судьба Новороссии в проектах центральных исторических музеев. Ряд экспозиционно-выставочных проектов, посвященных конфликту на Донбассе, героям специальной военной операции и причинам ее проведения, прошел в центральных исторических музеях России. Их отличает *ретроспективный подход* и стремление к рассказу о современных событиях в широком историко-культурном контексте.

В Государственном центральном музее современной истории России (Москва) были открыты выставки «НАТО. Хроника жестокости» и «Донбасс — Россия: история и современность». Проект «НАТО. Хроника жестокости» (апрель 2022 г.) был приурочен к годовщине образования Североатлантического альянса. В центре экспозиционного повествования оказались международные события от начала Холодной войны до наших дней, связанные с военной деятельностью блока. Один из разделов выставки рассказывал о его сотрудничестве с современной Украиной. Данная тематика представлялась с помощью мультимедийных комплексов, традиционных баннеров и предметных свидетельств – бытовых предметов, миниатюр, образцов военного вооружения и обмундирования. Значительное впечатление на посетителей оказывали тематические муралы [17], созданные группой современных художников во главе с А. Купальяном, и звуковые эффекты. Основу экспозиции составили документальные фотографии из собрания ТАСС и МИА «Россия сегодня», артефакты и документы из фондов Музея современной истории России, а также предметы и трофеи, переданные Минобороны [18]. Следует отметить, что передвижная версия выставки была показана ГЦМСИР в других российских городах и регионах – в Туле, Воронеже, Пскове, Барнауле, Рязанской области, Башкортостане и др.

Следующая выставка «*Донбасс – Россия: история и современность*» открылась в ГЦМСИР в феврале 2023 г. Она стала первым масштабным музейным проектом, посвященным региональной культуре и истории Донбасса, ее неразрывной связи с Россией. Проект был подготовлен при участии Российского исторического общества, музеев ДНР и ЛНР, исторического парка «Россия – Моя история» и др. организаций к 80-летию освобождения региона от нацистских захватчиков. Экспозиция включила семь разделов, рассказывающих о развитии Донбасса с середины XIX в. по настоящее время [19]. Центральным экспонатом вводного зала стал плакат неизвестного художника «Донбасс – сердце России» из фондов ГЦМСИР, изданный в 1921 г. Заданный лейтмотив сохранялся в каждом из последующих разделов, хронологически представляющих развитие региона. Также, как и предыдущая выставка, проект «Донбасс – Россия: история и современность» в передвижной версии был показан в других городах и регионах.

Второй масштабный выставочный проект, посвященный истории и современности Северного Причерноморья, был представлен в Государственном историческом музее. Выставка «Новороссия», открытая в сентябре 2023 г., приурочена к годовщине вхождения новых регионов в состав нашей страны. По словам директора музея А. К. Левыкина, она призвана помочь «посетителям осознать глубокое историческое родство Новороссии и сегодняшней России и понять, почему так важна для нас эта земля» [20]. Экспозиционный рассказ, как и в предыдущем случае, охватывает длительный период формирования русского культурного региона. Он делится на три раздела: «Новороссия в составе Российской империи», «Новороссия в составе Украинской ССР» и «Новороссия в огне». В экспозицию вошло около 300 музейных предметов из 20 организаций, в том числе из Музеев Московского Кремля, Третьяковской галереи, Эрмитажа, Русского музея, Царского села и др. Немало среди них уникальных экспонатов, а также предметов, экспонируемых впервые.

Кратко коснемся проектов, подготовленных Государственным музеем политической истории России (Санкт-Петербург). В августе 2022 г. в музее открылась небольшая, трогательная выставка «Донбасс 14–22. Право на жизнь». В центре внимания оказалось восемь трагических историй о детях, погибших в результате обстрелов Донбасса. Экспонаты были представлены луганской общественной организацией «Не забудем! Не простим!», которая оказывает помощь пострадавшим жителям ЛНР.

В апреле 2023 г. в музее открылась большая ретроспективная выставка «Донбасс-Исполни». Она включила около 400 экспонатов и более полутора часов хроникальных кадров, представляющих историю региона в 1922–2023 гг. Проект рассказывает об истоках промышленного развития Донбасса, о ходе и результатах индустриализации, о военных событиях 1941–1945 гг. и последующем восстановлении. Предметную основу экспозиции составили фонды Музея политической истории, Донецкого республиканского музея, РГАСПИ, РГАНТД, а также коллекции Российского государственного университета им. С. Г. Строганова, благотворительной организации «Справедливая помощь Доктора Лизы» и др. [21].

3. События и герои спецоперации в региональных и областных музеях. Ряд временных экспозиций в поддержку Донбасса и российских военнослужащих был организован в республиканских, краевых и областных музеях. К примеру, в феврале 2023 г. в Смоленском музее-заповеднике открылась выставка «Противостояние». Проект был подготовлен при участии регионального отделения Российского военно-исторического общества, военно-исторического клуба «Смоленский Рубеж» и информационного портала «Readovka 67». В основу экспозиции легли предметы, собранные в Мариуполе бойцами, участвующими в СВО, а также членами и руководством отделения РВИО. Визуальный ряд был дополнен видеороликами, подготовленными редакцией интернет-издания. Смысловыми центрами экспозиции стали две большие инсталляции: первая – посвящена боям на территории металлургического комбината «Азовсталь» (Мариуполь), вторая – «Аллея Ангелов» в Донецке [22].

Другая выставка – «СВОи Герои» – открылась в августе 2023 г. в Музее Фелицына (Краснодар). Среди артефактов – разорванные снаряды, личные вещи военных, полевые медицинские сумки, солдатские пайки, окопные свечи, шевроны, детские письма и рисунки. Важно отметить, что частью экспозиции стали интерактивные площадки, где посетители смогли принять участие в плетении маскировочных сетей для фронта [23]. К слову, подобные зоны «живого музея» функционируют в Парке «Патриот-Тула» и Ростовском областном музее краеведения.

Следует подчеркнуть, что большинство экспозиционно-выставочных проектов, подготовленных региональными и областными музеями, рассказывает о *бойцах и волонтерах, прославивших малую родину* в ходе СВО. Затрагивая историю Новороссии и политические причины противостояния, они отводят этой тематике второстепенную роль. К примеру, выставка «Время Героев», открывшаяся в Амурском областном краеведческом музее (Благовещенск, февраль 2023 г.), посвящена боевому пути и подвигам тридцати амурчан, погибших в ходе спецоперации. В экспозиции представлены их фотографии, документы, личные вещи, военная форма и награды, переданные родственниками и Дальневосточным ордена Жукова училищем им. Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского [24]. Особое внимание уделяется пяти погибшим выпускникам училища, получивших посмертно звание Героя России – Э. Норполову, А. Иванову, А. Попову, Д. Гутарову и Д. Межуеву.

В Кировском областном краеведческом музее им. П. В. Алабина в августе 2023 г. открылась

тематическая выставка, посвященная участию российских военнослужащих в специальной военной операции. Экспозиционный рассказ, основанный на предметах из зоны боевых действий, затрагивает тему фондов и добровольческих организаций, созданных в Кировской области. Открытие сопровождалось награждением медалью «За личный вклад в военно-патриотическую работу» волонтера местного фонда «За Вятку», супруги военнослужащего Д. Бычковой [25].

Выставочный проект «СВО: стойкость, верность, отвага», реализованный в Музее истории Костромского края (октябрь 2023 г.), знакомит с костромичами – участниками спецоперации. Экспонаты, прибывшие с поля боя, дополнены фотодокументальным и предметным рассказом о жителях региона – военнослужащих и добровольцах. Значительное внимание в экспозиции уделяется помощи фронту, которую оказывает Костромская область [26].

Личные вещи зауральцев – участников СВО представлены на выставке «Специальная военная операция. Время героев». Она открылась в областном краеведческом музее Кургана (октябрь 2023 г.). В экспозиции представлены гранатомет, полная амуниция российского бойца и трофейное вооружение из зоны спецоперации. Всего – около 130 экспонатов и более 40 фотографий, которые сообщают о ходе боевых действий и подвигах бойцов [27].

Об участии Прикамья в поддержке фронта рассказывает павильон «Мы защищаем свой дом», открытый в октябре 2023 г. Пермским краеведческим музеем. Он дополнил выставку «Оружие Победы» на Заводе им. А. А. Шпагина. Новая экспозиция обращается к причинам и ходу конфликта в Донбассе, а также знакомит с поддержкой и восстановлением Северодонецка – города-побратима Перми [28].

В Национальном музее Удмуртской Республики открылась выставка «От героев былых времен» (октябрь 2023 г.), посвященная участию уроженцев края в славных битвах российского воинства от Бородина до современности. Среди них – матрос с легендарного крейсера «Варяг» И. Н. Шутов, летчица из знаменитого женского авиаполка и Герой Советского Союза Н. З. Ульяненко, первый Герой РФ С. Н. Борин и др. Данный лейтмотив продолжают материалы и личные вещи, рассказывающие об участниках СВО – Герое России А. В. Орлове и кавалере Ордена Мужества Н. Д. Носыреве [29].

Наконец, мультимедийно-предметная выставка «Якутия – Новороссия» была открыта в региональном историческом парке «Россия – Моя история» (Якутск, июнь 2023 г.). Как и иные проекты, она обращается к причинам проведения специальной военной операции, а также освещает вклад региона в освобождение Украины от нацизма, оказание гуманитарной и иной помощи новым территориям России. Экспонатный ряд включил фотографии и предметы, связанные с боевыми действиями в Донбассе. В мультимедийный ряд вошли материалы специального проекта якутского холдинга «Сахамедиа», серии интервью с волонтерами, врачами и участниками СВО [30].

4. Свидетельства СВО в местных музеях. Монографический характер и сосредоточенность на *персональном наследии* отличает небольшие выставки, организованные в память о защитниках СВО в городских и районных музеях. Зачастую авторами этих проектов выступают непосредственные участники событий, их товарищи и родственники. К примеру, в ноябре 2022 г. выставка «По ЗОУу совести и долгу службы» (Удмуртия, пос. Игра) была создана П. Мироновым – старшим научным сотрудником Игринского районного краеведческого музея и добровольцем СВО. На фронте он был связистом, а также выполнял обязанности военного священнослужителя как выпускник богословско-педагогических курсов. Выставку, представившую более 80 артефактов из зоны боевых действий, автор готовил с целью сохранения памяти о товарищах, отправившихся на фронт из Игринского района [31].

В Наро-Фоминском историко-краеведческом музее была открыта выставка «Время героев выбрало нас» (май 2023 г.), которая стремится сохранить память о местных бойцах – участниках СВО. Небольшая экспозиция объединяет их личные вещи, награды, портреты с фотографиями из зоны проведения спецоперации и артефактами – снаряжением российских военнослужащих, элементами из обмундирования солдат ВСУ, трофейной амуниции американского производства, осколками ракет и др. [32].

Книга памяти саратовцев – участников СВО ведется в городском *Музее истории специальной военной операции*. Учреждение, открытое в июле 2023 г. в здании Института аграрных проблем РАН, стало

филиалом регионального парка «Россия – Моя история». На экспозиции представлены личные вещи, фотографии и награды Героев России А. Белоголазова, А. Потапова и А. Аксенова [33].

В январе 2023 г. в Музее истории города Барнаула открылась выставка *«Люди, защищающие людей. Росгвардия»*. При содействии музейных работников она организована сотрудниками ведомства, принимавшими участие в боевых действиях в Донбассе. Небольшая экспозиция рассказывает о боевых задачах подразделений и о помощи мирным жителям на освобожденных территориях. В выставочном зале – предметы специальной экипировки и обмундирования, образцы оружия и бронезащиты. Частью экспонатного ряда стали фотографии, сделанные в зоне боевых действий сотрудниками Росгвардии [34].

Наконец, несколько слов следует сказать об экспозиции *«На переломе эпох»*, которая была создана летом 2023 г. в Ершовском краеведческом музее (Саратовская обл., г. Ершов). Наиболее интересные экспонаты для выставки были получены музеем в дар от Р. Абушаева, местного жителя и участника СВО. Он передал вышедшие из строя очки ночного видения, радиостанцию Р-168 из БТР-82, квадрат для выверки орудия и прицельных приспособлений, а также воинскую аптечку, украинские купоны, шевроны, повязки, каску времен ВОВ, обнаруженную на поле боя, и мн. др. [35].

Схожая ситуация наблюдается в местных школьных и вузовских музеях. Их небольшие выставки рассказывают о самых важных для них героях СВО – выпускниках, коллегах и друзьях. В частности, подобный проект был реализован в музее СОШ № 5 *«Центр ИнТех»* в г. Рассказово Тамбовской области. Предметную основу экспозиции составили личные вещи героя спецоперации А. Кривова – добровольца, погибшего при исполнении воинского долга в мае 2022 г. Они были переданы его другом, учителем школы А. Руненковым [36].

В другом тамбовском Музее *воинов-интернационалистов им. В. Семёнова*, работающем в Центре образования № 13 им. Н. А. Кузнецова, экспозиция обновляется фотографиями и вещами командира стрелкового взвода О. Парфенюка, погибшего при защите Донбасса в сентябре 2022 г. Помощь музею оказывает поисковый отряд «Крылья» Избердеевской средней школы им. В. В. Кораблина [37].

Выставка *«Герои наших дней»*, открытая в военно-учебном центре БГТУ им. В. Г. Шухова в октябре 2022 г., рассказывает о подвигах солдат и офицеров в зоне СВО. Среди них – командир танка, уроженец Старого Оскола А. Ерёмин, командир танковой роты, житель п. Уразово старший лейтенант Р. Кулага и старший лейтенант, житель Губкина С. Аргентов. В центре внимания – биография майора А. Ананичева, уроженца новооскольского села Новая Безгинка, посмертно удостоенного звания Героя России. Предметный ряд экспозиции составляют личные вещи и трофеи, собранные бойцами на полях спецоперации [38].

Наконец, нельзя не сказать о стендовой выставке *«В жизни всегда есть место подвигу»*, организованной в Московском авиационном институте (май 2023 г.). В ней рассказывается о 20 участниках СВО – выпускниках вуза, представленных к госнаградам за мужество и отвагу. Портреты героев были включены в постоянную экспозицию музейно-выставочного комплекса, посвященную достижениям студентов и выпускников вуза в области воздушно-космической промышленности и обороны [39].

5. Общественные и частные проекты, посвященные СВО. В заключительном блоке – краткая информация о выставочных проектах, посвященных СВО, которые были подготовлены общественными объединениями, ассоциациями и фондами. Отличительной их чертой стала многоформатность и стремление к охвату максимально широкой аудитории.

Ряд мультимедийных выставочных проектов, рассказывающих о спецоперации, был подготовлен Российским обществом «Знание» при участии университета «Синергия». Первая выставка – *«Знание о героях»* – прошла в Музее Отечественной войны 1812 г. Она обращалась к школьникам 5–11-х классов, для которых были созданы десять графических новелл о современных защитниках Отечества. Идея организаторов – показать подросткам, как рождаются легенды, и кто такие настоящие герои. Выставка представила истории А. Фроленкова, В. Жоги, А. Белоголазова, Д. Литвинова, А. Гаспаряна, В. Дудина, А. Старостина, Д. Исламова, М. Концова и Д. Гилемханова [40]. Экспозиция стала частью масштабного проекта, организованного обществом «Знание». В рамках этого проекта был

проведен ряд марафонов, приуроченных ко Дню народного единства в 2022 г. и Дню защитника Отечества в 2023 г. Они объединили выступления военных, волонтеров, спортсменов, врачей и др. героев современной России [41].

Развивая предложенный формат, общество «Знание» подготовило выставку графических новелл «Герои спецоперации» для сети парков «Россия – Моя история». Расширенная версия включила мультимедийные истории о двадцати участниках спецоперации, проявивших отвагу и мужество. Авторами графических объектов стали также студенты, изучающие современные информационные технологии. Основная задача проекта – познакомить с новыми героями жителей всех регионов страны.

Говоря об известной сети мультимедийных парков, нельзя обойти стороной выставочный проект «Украина. На переломах эпох», подготовленный при поддержке Патриаршего совета по культуре, РВИО и Фонда Гуманитарных проектов. Выставка была развернута в ноябре 2022 г. в Центральном Манеже (Москва), а позже – в региональных отделениях. Структура мультимедийно-предметной экспозиции включила десять хронологических разделов, охватывающих период от основания Древнерусского государства до сегодняшних событий. В красочном оформлении посетители увидели редкие фото и видеоматериалы, карты, плакаты и архивные документы. Стремясь к «объективному повествованию» и диалогу, создатели включили в выставку комплексы, представляющие трактовку исторических событий с точки зрения Украины [42].

Наконец, одним из наиболее известных и современных проектов, повествующих о событиях на Донбассе, стал *арт-проект «За лентой»*, организованный СВР-Фондом. Первая версия выставки была открыта командой в Национальном музее искусства и фотографии на Мосфильме в марте 2023 г. Основу небольшой экспозиции составили предметы, привезенные журналистом и общественным деятелем В. Соловьевым из командировок в зону спецоперации, а также фотографии Р. Вахидова, сделанные в этих поездках. На основе данного опыта был подготовлен масштабный мультiformатный музейный проект на базе Государственного исторического музея. Арт-пространство «За лентой» включает три взаимосвязанных зоны: *сменную* медиа-экспозицию, представляющую видео хронику и интервью с военными; музейную выставку, рассказывающую о возрождении нацизма; лекторий, где проходят кинопоказы, встречи с героями и съемки тематических телепрограмм. Основу предметной экспозиции составляют свидетельства из зоны боевых действий, в том числе образцы вооружения и амуниции [43]. Нельзя не подчеркнуть *иммерсивный характер* этой выставки, который достигается с помощью оригинального авторского хода: здесь яркое музейное освещение заменяют ручные фонарики, выдаваемые посетителям...

В заключение следует отметить, что создатели подобных экспозиций и выставок стараются уйти от стереотипов в освещении событий и героев СВО. Они используют современные приемы и средства их интерпретации, соблюдая при этом такт и стремясь к максимальной достоверности.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Межмузейная рабочая группа собрала более 10 тысяч экспонатов, связанных с событиями новейшей истории Донбасса и Новороссии. 07.03.2023. – URL: https://culture.gov.ru/press/news/mezhmuzeynaya_rabochaya_gruppa_sobrala_bolee_10_tysyach_ekspонатov_svyazann_ykh_s_sobytyami_noveyshe/ (дата обращения: 15.10.2023).

[2] Источниковую базу исследования составляют материалы СМИ, официальных сайтов и аккаунтов Минкультуры РФ, музеев, общественных объединений и образовательных учреждений.

[3] Выставка обнажила корни нацизма на Украине. 19.04.2022. – URL: <https://pobedarf.ru/2022/04/19/vystavka-obnazhila-korni-nacizma-na-ukraine/> (дата обращения: 15.10.2023).

[4] Выставка «Обыкновенный нацизм». 29.09.2022. – URL: <https://stalingrad-battle.ru/to-visitors/exhibitions/archive/9823/> (дата обращения: 15.10.2023).

[5] Заветам Верны. – URL: <https://victorymuseum.ru/playbill/exhibitions/zavetam-verny/> (дата обращения: 15.10.2023).

[6] Обыкновенный НАТОцизм. – URL: <https://victorymuseum.ru/playbill/exhibitions/obyknovenny-natotsizm/> (дата обращения: 15.10.2023).

[7] Экстремистские и террористические организации, запрещенные на территории РФ.

[8] Новые экспонаты из зоны СВО появились в музее в Подмоскowie. Рамблер. РИАМО. 01.02.2023. – URL: https://news.rambler.ru/weapon/50135604/?utm_content=news_media&utm_medium=read_more&utm_source=copy/

ink (дата обращения: 15.10.2023).

- [9] Первая экспозиция, посвященная СВО. – URL: <https://www.artillery-museum.ru/ru/sobytiya/pervaya-ekspozicziya-posvyashhennaya-svo.html> (дата обращения: 15.10.2023).
- [10] Выставка вооружения, посвященная СВО. – URL: <https://parkpatriot.ru/obekty/vystavka-trofeynogo-vooruzheniya-i-voennoy-tehnikii/> (дата обращения: 15.10.2023).
- [11] В Заполярье на борту корабля «Иван Грен» завершилась акция «Сила в правде». ТАСС. 28.09.2023. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/18869237> (дата обращения: 15.10.2023).
- [12] Выставка «Служу России!» – URL: https://www.museum-arms.ru/exhibitions/helmet-exhibitions/detail.php?ELEMENT_ID=12898 (дата обращения: 15.10.2023).
- [13] Выставка «Здесь наша земля, мы не уйдем!». 10.03.2023. – URL: <http://cmaf.ru/news/news-3802/> (дата обращения: 15.10.2023).
- [14] В филиале ЦВММ «Музей Черноморского флота» открылась выставка, посвященная героям СВО. 01.03.2023. – URL: https://navalmuseum.ru/filials/black_sea_fleet/news?id=3005 (дата обращения: 15.10.2023).
- [15] Выставка «Родина ZOVёт». – URL: <http://31md.ru/vystavka-rodina-zovyot> (дата обращения: 15.10.2023).
- [16] Выставка «Сила в правде!». – URL: <https://прохоровское-поле.рф/vystavochnaya-deyatelnost/2-slajder/uncategorised/1027-vystavka-sila-v-pravde.html> (дата обращения: 15.10.2023).
- [17] Вид монументальной живописи на стенах архитектурных сооружений.
- [18] Выставка «НАТО. Хроника жестокости». – URL: https://sovrhistory.ru/data/exhibitions/2022/nato_hronika_zhestokosti/index.php (дата обращения: 29.10.2023).
- [19] Подробнее см.: Выставка «Донбасс – Россия: история и современность» открылась в Музее современной истории России. Минкультуры РФ. 27.02.2023. – URL: https://culture.gov.ru/press/news/vystavka_donbass_rossiya_istoriya_i_sovremennost_otkrylas_v_muzei_sovremennoy_istorii_rossii/ (дата обращения: 29.10.2023).
- [20] Выставка «Новороссия». – URL: <https://shm.ru/shows/35927/> (дата обращения: 29.10.2023).
- [21] Музей политической истории России представляет масштабную выставку «ДОНБАСС-ИСПОЛИН». Минкультуры. 13.04.2023. – URL: https://culture.gov.ru/press/news/muzey_politicheskoy_istorii_rossii_predstavlyaet_masshtabnuyu_vystavku_donbass_ispolin/ (дата обращения: 29.10.2023).
- [22] *Мелькова, О.* «Противостояние»: Readovka 67 посетила открытие уникальной выставки, посвященной СВО. 21.02.2023. – URL: <https://readovka67.ru/news/133247> (дата обращения: 09.09.2023).
- [23] *Блокова, У.* Осколки снарядов, шевроны, сумки медиков: на Кубани открыли первую выставку из зоны СВО. 31.08.2023. – URL: https://ug.tsargrad.tv/news/oskolki-snarjadov-shevrony-sumki-medikov-na-kubani-otkryli-pervuju-vystavku-iz-zony-svo_857591 (дата обращения: 09.09.2023).
- [24] «Время Героев». Областной музей открыл выставку об амурских участниках СВО. 24.02.2023. – URL: <https://www.gzt-sv.ru/news/198386-vremya-geroev-oblastnoj-muzej-otkryl> (дата обращения: 09.09.2023).
- [25] *Коньшев, М.* В музее воинской славы открылась выставка, посвященная участникам СВО. ГТРК Вятка. 02.08.2023. – URL: <https://www.gtrk-vyatka.ru/vesti/society/87602-v-muzee-voinskoj-slavy-otkrylas-vystavka-posvjaschennaja-uchastnikam-svo.html> (дата обращения: 09.09.2023).
- [26] Посвященная СВО выставка открылась в Музее истории Костромского края. ГТРК Кострома. 06.10.2023. – URL: <https://gtrk-kostroma.ru/news/posvyashchennaya-svo-vystavka-otkrylas-v-muzee-istorii-kostromskogo-kрая/> (дата обращения: 22.10.2023).
- [27] *Рябина, Ю.* «Специальная военная операция. Время героев»: в Кургане открыли особенную выставку // Область 45. 17.10.2023. – URL: <https://oblast45.ru/publication/59847> (дата обращения: 05.11.2023).
- [28] Выставка «Оружие Победы». – URL: <https://museumperm.ru/page/armsofvictory> (дата обращения: 05.11.2023).
- [29] Выставка «От героев былых времен» (6+). – URL: <https://nmur.ru/afisha/vystavka-ot-geroev-bylyh-vremen-6> (дата обращения: 05.11.2023).
- [30] *Кокорева, Т.* В столице откроется масштабная выставка, посвященная участию якутян в СВО. 28.06.2023. – URL: <https://ulus.media/2023/06/28/v-stolicze-otkroetsya-masshtabnaya-vystavka-posvyashhennaya-uchastiyu-yakutyany-v-svo/> (дата обращения: 22.10.2023).
- [31] Участник спецоперации из Удмуртии создал музейную выставку, посвященную СВО. 28.11.2022. – URL: <https://udm-info.ru/news/2022-11-28/uchastnik-spetsoperatsii-iz-udmurtii-sozdal-muzeynuyu-vystavku-posvjaschennuyu>

svo-2601187 (дата обращения: 05.11.2023).

[32] Тюрюмина, А. «Время героев выбрало нас»: выставка, посвящённая СВО, открылась в Наро-Фоминске. 18.05.2023. – URL: <https://nfre.ru/novosti/vremya-geroev-vybralo-nas-vystavka-posvyashhyonnaya-svo-otkrylas-v-naro-fominske/> (дата обращения: 05.11.2023).

[33] Кошелев, А. В Саратове открылся музей истории СВО. В Книгу памяти внесено 437 имен. 28.07.2023. – URL: <https://www.vzsar.ru/news/2023/07/28/v-saratove-otkrylsya-muzej-istorii-svo-v-knigu-pamyati-vneseno-437-imen.html> (дата обращения: 05.11.2023).

[34] Усик, А. Осколки снарядов, сухой паек, мина «Лепесток»: в Барнауле открылась выставка, посвящённая СВО. – URL: <https://www.alt.kp.ru/daily/27458/4713301/> (дата обращения: 05.11.2023).

[35] Ершовская выставка, посвящённая СВО, пополнилась новыми экспонатами. 15.09.2023. – URL: <https://step-krai.ru/news/ershovskaya-vystavka-posvyashchennaya-svo-popolnilas-novymi-eksponatami/> (дата обращения: 05.11.2023).

[36] Рязанова, Н. Участникам спецоперации рассказовцы посвятили музейную экспозицию. 21.02.2023. – URL: <https://gazetarasskazovo.ru/news/society/2023-02-21/uchastnikam-spetsoperatsii-rassskazovtsy-posvyatili-muzejnyuyu-ekspozitsiyu-150491> (дата обращения: 05.11.2023).

[37] Малыгина, В. В тамбовском музее увековечат память погибшего в ходе СВО воина из Петровского района. 11.02.2023. – URL: <https://gazetapetrovka.ru/news/society/2023-02-11/v-tambovskom-muzee-uvekovechat-pamyat-pogibshogo-v-hode-svo-urozhentsa-petrovskogo-rayona-148765> (дата обращения: 05.11.2023).

[38] Гончаренко, О. О героях наших дней. В Белгороде открылась выставка, посвящённая СВО на Украине. 13.10.2022. – URL: <https://www.belpressa.ru/46778.html#> (дата обращения: 05.11.2023).

[39] В МАИ открыли выставку, посвящённую выпускникам, участникам СВО. 06.05.2023. – URL: <https://vmestefr.tv/news/v-mai-otkryli-vystavku-posvyashchennuyu-vypusknikom-uchastnikom-svo/> (дата обращения: 05.11.2023).

[40] Графические новеллы о подвигах героев СВО представят в Музее Отечественной войны 1812 года. 01.11.2022. – URL: <https://iz.ru/1419313/2022-11-01/graficheskie-novelly-o-podvigakh-geroev-svo-predstaviat-v-muzee-otechestvennoi-voiny-1812-goda> (дата обращения: 09.09.2023).

[41] Новый просветительский проект Общества «Знание» познакомит молодежь с героями современной России. 31.10.2022. – URL: <https://znanierussia.ru/news/novyy-prosvetitskiy-proekt-obshestva-znanie-poznakomit-molodezh-s-geroyami-sovremennoj-rossii> (дата обращения: 09.09.2023).

[42] «Украина. На переломах эпох»: уникальная выставка в Манеже. 03.11.2022. – URL: <https://ria.ru/20221103/vystavka-1828764793.html> (дата обращения: 22.10.2023).

[44] Мультимедийный арт-проект «За лентой». – URL: <https://shm.ru/shows/34992/> (дата обращения: 05.11.2023).

SPECIAL MILITARY OPERATION IN RUSSIAN MUSEUMS OVERVIEW OF EXHIBITION PROJECTS (2022-2023)

Zotova Tatiana Anatolievna

Senior Researcher, Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage (Moscow)

Okorokov Alexander Vasilievich

D. in History, Deputy Director for Research,
Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage (Moscow)

Abstract. During 2022–2023 Russian museums prepared a number of exhibitions on the tragedy of the civilian population of Donbass, the revival of Nazi ideology in Ukraine, and the exploits of the heroes of the Special military operation. An overview of these current museum practices is presented in the article. This includes several areas: projects of military history museums; exhibitions prepared in central, regional and local museums; exhibition projects of social movements and foundations.

Key words: museum, exhibition, military-historical museum, museum of the Special military operation, exhibition of the Special military operation.

Ссылка на статью:

Зотова, Т. А., Огороков, А. В. Специальная военная операция в российских музеях: обзор экспозиционно-выставочных проектов (2022-2023 гг.). – DOI 10.34685/ИИ.2024.27.78.001. – Текст: электронный // Культурологический журнал. – 2024. – № 3. – С. 53-63. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/667.html&j_id=61.
